

2-2

41 17052

РУССКАЯ КНИЖКА

И. ХУДЯКОВА.

I. Сказки. Пословицы. Загадки. Пѣсни. Русскіе города.
Былины. — II. Стихотворенія. Разказы. Басни. —
Народный мѣсяцесловъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ О. И. БАКСТА.

1863.

*Библиотека
Ивана Егоровича
Зубовича.*

gem

us. etc.

РУССКАЯ КНИЖКА

И. ХУДЯКОВА.

I. Сказки. Пословицы. Загадки. Пѣсни. Русскія города
Вылины. — II. Стихотворенія. Разказы. Басни. —
Народный мѣсяцесловъ.

489

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ О. И. БАКСТА.

1863

*Библіотека
Улана Егорова*

РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ

Н. ХАДЖКОВА

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Октября 5 дня 1863 г.

I. Сказки. II. Пьесы. III. Рассказы. IV. Стихотворения. V. Пьесы. VI. Стихотворения. VII. Пьесы. VIII. Стихотворения. IX. Пьесы. X. Стихотворения.

1863

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ О. И. БАВСТА

Въ типографіи О. И. Бавста.

ОТДѢЛЪ I.

OTTEP T



I. СКАЗКИ.

1. Сосватанья дѣти.

Жили-были два богатыхъ купца. Были у нихъ: у одного была дочь, а у другаго былъ сынъ — однолѣтки. И былъ у нихъ сговоръ. Потомъ поѣхалъ одинъ купецъ въ Кіевъ, далъ московскому двадцать тысячъ въ залогъ. Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а другъ друга не навѣщаютъ — далеко. Прошло много времени. Московской купецъ видитъ, что отъ стараго его знаконца нѣтъ ни вѣсти, ни слуху, и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кіевской купецъ своего сына и говорить

ему: „поѣзжай-ка ты въ Москву, тамъ есть озеро; въ томъ озерѣ мы поставили пленку; если въ эту пленку попалась утка — то утку вези, а ежели нѣтъ утки — то пленку назадъ“ *). Купеческой сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву; ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужь близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою же дорогою случилось ѣхать и полковнику; подѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону. Увидаль онъ купческаго сына и спрашиваетъ: „Ты куда ѣдешь?“ — „Въ Москву“. — „Зачѣмъ?“ — „Тамъ есть озеро, въ томъ озерѣ мы поставили пленку, ѣду теперь: если попалась въ пленку утка — то утку возьму, а если утки нѣтъ — то пленку назадъ!“ — Полковникъ и думаетъ: что за диво! — „Какъ же, говорить; намъ черезъ рѣку переѣхать?“ — „Я поѣду задомъ напередъ!“ — говоритъ купеческой сынъ. Погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски напередъ перемещивать; намостилъ и перебрался на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. „Ты гдѣ остановишься?“ — спрашиваетъ полковникъ купческаго сына, — „А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ“. — Распроцались и повернули всякой въ свою сторону.

*) Пленка — деньги, данныя въ залогъ; утка — невѣста.

Купеческой сынъ присталъ у одной бѣдной старухи, а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Тамъ его стали поить-угощать, о дорогѣ спрашивать. Онъ и рассказываетъ: „повстрѣчался я съ какимъ-то купеческимъ сыномъ; спросилъ его: зачѣмъ въ Москву ѣдетъ? А онъ въ отвѣтъ: есть-де въ Москвѣ озеро; на томъ озерѣ мы съ отцемъ поставили пленку; теперь ѣду: если попадусь въ пленку утка, то утку возьму; а если утки нѣтъ, то пленку назадъ. Тутъ пришлось намъ черезъ рѣку переправляться; на той рѣкѣ мостъ: половина замощена, половина нѣтъ. Раздумался я, какъ на другую сторону переѣхать? А купеческой сынъ сейчасъ смекнулъ, задомъ напередъ переѣхалъ и меня перевезъ“. Невѣста и спрашиваетъ: гдѣ же онъ на квартирѣ сталъ?— „А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ“. — Вотъ купеческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: „возьми кринку молока, ковригу хлѣба, да лукошко яицъ; изъ кринки отпей, ковригу почни, изъ лукошка яйцо скушай. Потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; разыщи тамъ купеческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море или упало? полонъ ли мѣсяцъ или въ ушербѣ? всѣ ли звѣзды на небѣ или скатились?“ — Пришла служанка къ купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: „что море: въ своихъ ли берегахъ или упало?“ — Упа-

до. — „Что мѣсяць полонъ или въ ущербѣ?“ — Въ ущербѣ. — „Что звѣзды: всѣ ли на небѣ?“ — Нѣтъ, одна скатилась *). Вотъ служанка воротилась домой и рассказала эти отвѣты купеческой дочери. „Ну, батюшка! — говорить кушцу купеческая дочь — вашъ женихъ мнѣ не годится, у меня есть свой давнишній“. Сейчас послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять, да пиръ пировать, а полковнику отказали. На той свадьбѣ и я былъ, медь-пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

2. Семилѣтка.

Жили-были два брата: богатый и бѣдный. Бѣдный-то овдовѣлъ; отъ жены осталась дочка на седьмомъ году; оттого и прозвали ее Семилѣткой. Только богатый и подарилъ Семилѣткѣ плохенькую телушку. Семилѣтка поила, кормила, холила телушку, и изъ нея стала славная корова и принесла ей теленка. Только пришли къ Семилѣткѣ въ гости дочери богатаго дяди и увидали телушку; пошли и сказали отцу. Богатому и захотѣлось отнять телушку, а бѣдный-то не от-

*) Упавшее море — кринка отпитаго молока; ущербнувшій мѣсяць — початый хлѣбъ; скатившаяся звѣзда съ неба — яйцо съѣденное изъ лукошка.

даетъ. Спорили, спорили они; пришли къ воеводѣ, просятъ разобрать ихъ дѣло. Богатый и говоритъ: „я, говоритъ, дарилъ племянницѣ только телушку, а не приплодъ“. А бѣдный говоритъ: „телушка моя, такъ и приплодъ мой!“ Какъ тутъ рѣшить дѣло? Воевода и говоритъ имъ: „вотъ отгадайте три загадки! Кто отгадаетъ, того и телушка! Сперва отгадайте: что всего быстрѣе?“

Пошли мужички домой. Бѣдный и думаетъ: „что тутъ сказать?“ — и говоритъ Семилѣтка: „дочка, дочка! Воевода-то велѣлъ отгадать, что на свѣтѣ всего быстрѣе? Что я ему скажу?“ — Не тужи, батюшка! Утро вечера мудренѣе. Легъ онъ спать. Утромъ и будить его Семилѣтка: „вставай, батюшка! Пора идти къ воеводѣ. Ступай да скажи, что всего быстрѣе на свѣтѣ мысль!“ Всталъ мужикъ, отправился къ воеводѣ; пришелъ и братъ. Вышелъ къ нимъ воевода и спрашиваетъ: „ну, скажите, что всего быстрѣе?“ Богатый выскочилъ впередъ, говоритъ: „у меня, говоритъ, есть конь такой быстрой, что никто его не обгонитъ! онъ всего быстрѣе“. Воевода засмѣялся и говоритъ бѣдному: ты что „скажешь?“ — Мысль всего быстрѣе на свѣтѣ! — Воевода удивился и спрашиваетъ: „кто тебя этому научилъ?“ — Дочь Семилѣтка. — „Ну, хорошо! Отгадайте теперь, что на свѣтѣ всего жирнѣе?“

Пришли мужики домой. Бѣдный приходитъ и гово-

ритъ Семилѣткѣ: „воевода намъ загадалъ: что на свѣтѣ всего жирнѣе? какъ тутъ отгадать?“ — Ну, батюшка, не тужи! Утро вечера мудренѣе. Старикъ легъ спать. Утромъ Семилѣтка и будить его: „вставай, батюшка! Пора къ воеводѣ идти! Спросить онъ тебя: что всего жирнѣе? — скажи, что всего жирнѣе земля, потому что она производитъ всякіе плоды“. — Всталъ отецъ, пришелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и спрашиваетъ: „ну, что? придумали — что всего жирнѣе?“ — Богатый выскочилъ впередъ и говоритъ: „у меня есть боровъ да такой жирный: жирнѣе его нѣтъ ничего! Онъ всего жирнѣе!“ Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: „ну, а ты что скажешь?“ — Земля всего жирнѣе, потому что она производитъ всякіе плоды! — Воевода удивился и спрашиваетъ: „кто тебя это научилъ?“ — Дочь, говоритъ, Семилѣтка! — „Ну, хорошо. Теперь отгадайте: что на свѣтѣ милѣе?“

Пошли мужики домой. Пришелъ бѣдный и говоритъ Семилѣткѣ: „такъ и такъ воевода загадалъ. Что теперь дѣлать?“ — Ну, тятенька, не тужи! утро вечера мудренѣе. — Онъ легъ спать. Утромъ будить она его и говоритъ: „вставай, батюшка! Пора идти къ воеводѣ. Станетъ онъ тебя спрашивать, скажи, что всего милѣе человѣку сонъ: во снѣ всякое горе позабывается!“ Всталъ отецъ, пошелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и говоритъ: „ну, скажите: что

всего милѣе на свѣтѣ?“ — Богатый выскочилъ впередъ и кричить: жена на свѣтѣ всего милѣе! — Воевода замѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: „а ты что скажешь?“ — Сонъ на свѣтѣ для человѣка всего милѣе: во снѣ всякое горе позабывается! — Воевода удивился и спрашиваетъ его: „кто тебѣ это сказалъ?“ — Дочь Семилѣтка.

Воевода и говоритъ старику: „ступай скажи своей Семилѣткѣ, чтобы она ко мнѣ пришла ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на сняхъ, ни на телегѣ, ни нага, ни одѣта и чтобы принесла ни подарокъ, ни отдарокъ!“ Приходитъ отецъ домой, рассказалъ все дочери. Вот на другой день Семилѣтка взяла сняла съ себя одежду и обернулась мережей, взяла голубя, отправилась къ воеводѣ и подала ему голубя. Голубь тотчасъ вырвался и улетѣлъ. Перехитрила она воеводу; а она ему очень понравилась. Видитъ онъ, что она хитра-мудрена, взялъ на ней и женился. Стали жить да поживать, да добра наживать, а худо проживать.

3. Овца, Лиса и Волкъ.

У крестьянина изъ турта бѣжала овца. На встрѣчу ей попала лиса и спрашиваетъ: „куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?“ О-о-ихъ кума! была я у мужика въ туртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдурить, а все

я, овца, виновата! Вотъ и вздумала уйти — кула глаза глядятъ. — „И я тоже! отвѣчала лиса. Гдѣ мужъ мой курочку словить, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ко вмѣстѣ“. Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. „Здорово, кума!“ — Здравствуй! говоритъ лиса. „Далече-ли бредешь?“ — Она въ отвѣтъ: куда глаза глядятъ! Да какъ рассказала про свое горе, бирюкъ молвилъ: „и я такъ же! Гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ко вмѣстѣ“. Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: „а что, овца, вѣдь, на тебѣ тулупъ-то мой?“ Лиса услышала и подхватила: „взаправду, кумъ, твой?“ — Вѣрно мой! — „Побожись?“ — Побожусь! — „Къ присягѣ пойдешь?“ — Пойду. — „Ну, иди, цѣлуй присягу!“ Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану и говоритъ: „ну, вотъ здѣсь цѣлуй!“ — Только что сунулся бирюкъ сдуру, а капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцей тотчасъ убѣжали ноть него по добру, по здорову.

4. Орель и птицы.

Былъ гусь и говоритъ: „что жъ я гусь высоко летаю, большинства надъ собой не знаю.“

Завѣдала перепелка: „точно ты, гусь, высоко летаешь, а большинства надъ собой не знаешь. Точно, я пере-

пелка—божья пташечка рано встаю, раннюю зорьку отпѣваю.“

Завѣдала сорока: „ахъ, ты, перепелка, ахъ ты толстоляхая, гдѣ жь тебѣ рано вставать, раннюю зорьку отпѣвать. Точно, я сорока, я бѣлобока, у людей была, съ людьми баила про тѣ дѣла, про тѣлесныя.“

Завѣдалъ соколъ: „ахъ, ты сорока, ахъ, ты бѣлобока, тульская колдунья, ярославская хвостунья, гдѣ жь тебѣ у людей быть, съ людьми баить, про тѣ дѣла, про тѣлесныя! Точно, я соколъ, высоко летаю, на лету всякую птицу побиваю; я всѣмъ вамъ царь.“

Завѣдалъ воронъ: „точно ты, соколъ, высоко летаешь, на лету всякую птицу побиваешь, а за чѣмъ же ты хвалишься, орловскимъ царскимъ именемъ называешься? Царь орелъ узнаетъ, вамъ съ сорокой худо будетъ.“

Ворона глядѣла, глядѣла: „полечу я къ царю къ орлу; не дастъ ли, говорить, онъ мнѣ какойнибудь чинъ?“—Гдѣ ни взялся молодой воробей, началъ бить, началъ колотить, всю ей грудь отбилъ, дыханье заложилъ. Она прилетаетъ къ царю, къ орлу, забыла ужъ чинъ просить, начала на воробья жаловаться: „батюшко царь орелъ, молодой воробей разобидѣлъ, всю грудь отбилъ, дыханье заложилъ!“—Позвать сюда молодаго воробья!

Кличутъ его туда; а синица подь бока жилиетъ и говорить: „воробей, не робей; мы съ тобой вмѣстѣ у мужичка на огородѣ сѣмячко клевали, да одно зернышко

подымали!“ — А онъ ей и говоритъ: „синица, побойся ты Бога, не говори ты много, мнѣ и такъ безъ тебя тошно.“ — И полетѣлъ молодой воробей туда.

Царь орель выходитъ. — Молодой воробей, зачѣмъ, говоритъ, ворону разобидѣлъ? — „Батюшко царь орель, она воронища, дуровнища, поздно вечеромъ летаетъ, широко ротъ разѣваетъ. Мужичекъ выйдетъ разметать точокъ; она зашумитъ, закричитъ дурнымъ голосомъ; онъ броситъ метлы, лопату и глядитъ на небо: „знать, говоритъ, завтра непогода, ворона закричала!“ На насъ, говоритъ, на мелкую пташку зуду нагоняетъ: кто подъ тынокъ, кто подъ плетенекъ, кто гдѣ денекъ пребываетъ, тотъ тамъ съ голоду помираетъ“. — Что, говоритъ, дура ворона: воробей правду говоритъ. Воробей! Дай ей тычекъ еще!

Завѣдала цапля: „батюшко царь орель! пусти меня спастись.“

Завѣдала галка: „ахъ ты цапля, ахъ ты долгобудылая, куда жъ тебѣ, этакой дурищѣ, спастись, ты тамъ всѣхъ перепугаешь. Точно, я галка, монастырочка, при колокольнѣ живаю, божье пѣньицо слыхаю, на мнѣ платье черненькое, все равно, какъ на монашенкѣ, вотъ я туда гожуся.“ А тетеревъ сидитъ на березѣ, сидитъ и говоритъ: „что я на березѣ сижу и вашихъ дѣловъ не разеужу.“ Она ему говоритъ: „о глухой шутъ! Гдѣ жъ тебѣ наши дѣла разсудить!“

Завѣдала курица: батюшко царь орелъ! Меня бабы ругаютъ, камушками кидаютъ, еще душой называютъ. Какая я дура, у меня есть тоже крылышки, перышки рябенькія, я такая же пташечка.

Завѣдалъ голубь: „ахъ, ты куравница, ахъ ты дуравница, выводилъ ты дѣтищу дуравницу, ты ихъ не поилъ, не кормилъ; тебя же съ ними поятъ и кормятъ, а ты тѣмъ не проймешься, къ мужику на огородъ заберешься. Старики увидятъ, побранятся, за большія бороды поведутся. А я голубчикъ, убога пташечка, выведу дѣточекъ парочку, а мало парочку, съ добавочкомъ, по озерамъ, по болотамъ летаю; мухъ - козявокъ собираю, сама кормлюсь и дѣтей питаю. — Тамъ стоитъ бочка, на бочкѣ корецъ, всей сказкѣ конецъ.

5. Каково птицамъ жить на морѣ.

Какъ отъ синяго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица-пѣвица,
Садилася малая птица,
На то ли на дерево на калину,
Зачала она пѣть-попѣвать,
Пѣть-попѣвать, хорошо воспѣвать.
Услышали русскія птицы,
Слетались птицы стадами.

Садилися около рядами,
Въ одну сторону головами,
Стали они пѣть - воспѣвать,
Стали ту птицу спрошати:
„Ты скажи, заморская птица,
Скажи намъ всю правду:
Кто у васъ на морѣ большій,
Кто на Дунайскомъ меньшій?“
Возговорить заморская птица:
„Глупыя вы, русскія птицы!
За чѣмъ вы ко мнѣ прилетали,
За чѣмъ про сине море спрашали?
Всѣ у насъ на мори больши,
А нѣту на Дунайскомъ меньшихъ.
Всѣ у насъ птицы по дѣламъ,
Всѣ у насъ птицы по работамъ:
Селезни — торговыя гости,
А утушки — тѣ купецкія жонки,
Галицы на морѣ — черницы,
Тѣ ли молодыя молодицы...
Журавль по бережку ходитъ,
Людей перевозитъ,
Цвѣтное платье не мочитъ....
Дятель у насъ плотникъ,
Онъ по лѣсу летаетъ
Дерева пытается.....“

II. ПОСЛОВИЦЫ.

1. Честь.

Каковъ Сава, такова ему и слава.

Хорошая слава въ лукошкѣ лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ.

Не хвались родителями, а хвались добродѣтелями.

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.

2. Слово.

До слова крѣпись, а давши слово, держись.

Договоръ лучше денегъ.

Чужимъ добромъ не наживешься.

За чужое лычко ремешкомъ отдашь.

Воровство—послѣднее ремесло.

Чужой бѣдой сытъ не будешь.

Не хвались серебромъ, хвались добромъ.

Богатство спеси сродни.

Не бойся богатыхъ грозъ, а бойся убогихъ слезъ.

Убогаго слеза жидка да ѣдка.

Безъ правды вѣку не изживешь.

Неправдой полсвѣта пройдешь, да назадъ не воротишься.

Правое слово велико.

Все минѣтся, одна правда останется.

Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.

3. Умъ.

Безъ ума голова пивной котель.

Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ.

Чужимъ умомъ въ люди не выйдешь.

Свой умъ—царь въ головѣ.

Чужимъ умомъ вѣкъ не прожить.

Не всякой умень, кто въ краснѣ наряженъ; а бываетъ съ умомъ и не красный Пахомъ.

Маль золотникъ, да дорогъ; велика Федора, да дура.

Великъ осель, да воду возять; маль соколь, да на рукахъ носить.

Красна птица перьемъ, а человекъ ученьемъ.
Ученье лучше богатства.

4. Ханжество.

Черныя ризы не спасуть, а бѣлыя не погубятъ.

Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ.

Что больше народу въ церкви, то онъ (ханжа) выше
руку заносить.

Спасается, а кусается.

Богословъ да не однословъ.

Не строй семь церквей, пристрой семь дѣтей (т. е.
сиротъ).

Лучше не понедѣльничать, да не бездѣльничать.

Бѣсъ хлѣба не ѣсть, да не святъ.

III. ЗАГАДКИ.

1. Самъ худъ,
А голова съ пудъ.
2. Отчего гусь плаваетъ?
3. Берега желѣзны,
Вода дорога,
Рыба безъ костей.
4. Безъ языка, а сказывается.
5. Стоитъ море
На пяти столбахъ;
Царь говорить:
Потѣха моя;
Царица говорить:
Погибель моя.

6. Ёду, ёду,
Слѣду нѣту;
Куда ни заёду,
Изъ ухаба не уёду.
7. У нашего сосѣда
Конь саврасъ
По колѣни увязъ.
8. Что стоитъ возлѣ: чаю?
9. Въ потемкахъ родится,
Съ огнемъ помираетъ.
10. Птица
Юстрица
На девяти ногахъ стоитъ,
На вѣтеръ глядитъ,
Крыльями машетъ,
А улетѣть не можетъ.
11. Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ,
Хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ.
12. На топталѣ былъ,
На кружалѣ былъ,
На пожарѣ былъ,
На базарѣ былъ,
Домой пришелъ.

6. Вода, когда плывутъ въ лодкѣ. 7. Воротнй столбъ (верев).
8. Воскресеніе мертвыхъ. 9. Восеъ. 10. Вѣтренная мельница.
11. Гвоздь въ сапогѣ. 12. Горшокъ.

13. Никто не таковъ,
Какъ Иванъ Дураковъ;
Сѣлъ на конь,
Да поѣхалъ въ огонь.

14. Стоитъ Трошка
На одной ножкѣ.
Его ищутъ,
А онъ нишнетъ.

15. На бору,
На юру
Стоитъ старичекъ,
Красень колпачекъ.

16. Кто дѣлаеть — не для себя,
Кто покупаетъ — тому не нуженъ,
А кому нуженъ — тотъ не вѣдаетъ.

17. На что купецъ шляпу купилъ?

18. Безъ ногъ ходятъ?

19. Вотъ я разлеглася:

Какъ бы я встала,

Такъ небо достала;

Какъ бы руки да ноги,

Я бы вора связала,

Какъ бы ротъ да глаза

Я бы все рассказала.

13. Горшокъ. 14. Грибъ. 15. Грибъ. 16. Гробъ. 17. На день-
ги. 18. Деньги. 19. Дорога.

20. Пришелъ воръ въ окно,
Хозяина въ окно унесъ.
21. Черенъ да не воронь,
Рогать да не быкъ,
Шесть ногъ безъ копытъ,
Идетъ — земли не деретъ.
22. Маленькая собачка
Согнувшись лежитъ;
Не кусаетъ,
Не лаетъ,
А въ домъ не пускаетъ.
23. Бабушка Софья
День и ночь сохнетъ;
Утро настанетъ
И прочь отстанетъ.
24. Разсыпался горохъ
По сту дорогъ;
Никто его не соберетъ,
Ни царь, ни царица,
Ни красная дѣвица.
25. Звѣрокъ
Съ вершокъ;
А хвостъ
Семь верстъ.

26. Что возлѣ земли стоять?
27. Стоитъ старикъ на берегу,
А плюетъ въ рѣку.
28. Утка въ морѣ,
А хвостъ на заборѣ.
29. Сидитъ пѣтухъ на воротахъ,
Хвостъ до полу,
Голосъ до небу.
30. Живой мертваго бьетъ,
А мертвый вопіетъ.
31. Летитъ птица,
Носикъ долгой,
Голосъ тонкой;
Кто ее убьетъ,
Человѣческу кровь прольетъ.
32. Хоть не огонь, а жжется.
33. Два раза на свѣтъ родилась.
34. Кто родился и не умеръ?
35. И не шито,
И не кроено,
А елинь вставлень.
36. Сидитъ дѣдъ
Многимъ платьемъ одѣтъ,

26. Иже. 27. Квасникъ. 28. Ковшъ въ кадкѣ съ водой. 29. Колоколь. 30. Колоколь. 31. Комаръ. 32. Крапива. 33. Курица. 34. Живущіе. 35. Лошадь пѣгая. 36. Лукъ.

- Кто его раздѣваетъ,
Тотъ отъ жалости слезы проливаетъ.
37. Кину я порохомя,
Сдѣлается городомъ
Красною Москвою,
Храброю Литвой.
38. Надъ нами
Вверхъ ногами
Ходятъ — не страшаться
И никого не боятся.
39. На одной ямѣ сто ямъ съ ямой?
40. Летитъ по птичьё,
Реветъ по бычьё.
41. Отецъ не рождался,
А сынъ ужъ на крышѣ сидитъ.
42. Летѣло сто гусей; одного убилъ, сколько осталось?
43. Скоро ѣсть,
Мелко жуеть,
Сама не глотаетъ,
Другой сытъ бываетъ.
44. Не грѣшна,
А повѣшена.

45. Ерѣ Егорко
Упаль въ озерко,
Воды не сколыхаль
И самъ не утонуль.
46. Курица съ хохломъ,
Всякому поклонъ.
47. Два кольца,
Два конца,
По середѣ гвоздь.
48. Самъ нагъ,
Рубашка въ пазушкѣ;
Самъ бѣлъ,
Дѣтки красные.
49. Самъ съ локотокъ,
Борода съ вѣникъ.
50. Гдѣ вода стоитъ столбомъ — не проливается?
51. Стоитъ гусь надъ водой,
Машеть своей бородой.
52. Отчего собака ложится?
53. У туши
Уши,
А головы нѣтъ.

45. Пухъ. 46. Рукомойникъ. 47. Ножницы. 48. Свѣчка.
49. Снопъ. 50. Въ стаканѣ. 51. Тростникъ. 52. Не умѣетъ она
садиться. 53. Ушатъ.

54. Стучить,
Бречить,
Вертится,
Ходить весь вѣкъ,
А не человекъ.
55. Ходить,
А въ избу не входитъ.
56. Что весьма нужно при столѣ?
57. Съ ушами да не слышитъ?
58. Шутъ въ лужѣ,
А борода наружѣ.
59. Даль мужикъ три рубля велѣлъ купить три коровы: почему каждая корова пришла?
60. Сидить на ложкѣ,
Свѣсивши ножки?
61. Что на водѣ лежитъ да не тонетъ?
62. Что всегда идетъ,
А съ мѣста не сойдетъ?
63. Въ какой землѣ сѣютъ рѣпу?
64. Что со двора не стащить?
65. Четыре ноги да не звѣрь;
Есть перья да не птица.
66. Безъ начала, безъ конца?

54. Часы. 55. Дверь. 56. Ротъ. 57. Ушадь. 58. Рѣдька. 59. По дорогѣ. 60. Лапша. 61. Тѣнь. 62. Часы. 63. Нигдѣ, потому что вездѣ сѣютъ рѣпные сѣмена. 64. Яму. 65. Бровать съ постелью. 66. Кольцо.

67. Маль былъ — отца мать кормилъ;
Старъ сталъ,
Пеленаться сталъ.
68. Не шагаетъ, а ходитъ?
69. Мертвый встанеть, живыхъ будетъ ѣсть?
70. Весь міръ подпоясанъ,
Одинъ староста распоясанъ.
71. Ни глазъ, ни ушей, а слѣпцовъ водить.
72. Кровь пью,
И жизнь даю.
73. Маленькой Данилко
Въ петельку удавился.
74. Безъ рукъ, безъ ногъ
На гору ползеть?
75. Кто ни подошелъ,
Всякъ меня за вихорь.
76. Летить — молчить,
Сядетъ — молчить,
А помретъ да сгніетъ,
Такъ и зареветь.
77. Что ростеть вверхъ комлемъ?

67. Горшекъ. 68. Дверь. 69. Комарь. 70. Снопы и овинь.
71. Палка. 72. Пявка. 73. Пуговица. 74. Огонь. 75. Рѣдька.
76. Снѣгъ и вода. 77. Ледяная сосулька.

IV. ПѢСНИ.

1.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова,
Добрый молодець самы коня поилъ.
Красна дѣвица воду черпала,
Почерпнувъ воды, поставила;
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого есть отецъ съ матерью,

Отець съ матерью, и братъ, и сестра,
И братъ и сестра, и родъ и племя!
У меня ль у красной дѣвицы
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду племени...

2.

Калинку съ малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись съ разумомъ, за мужъ отдала.
Замужъ отдала за неровнюшку,
За неровнюшку въ чужу сторону,
Въ чужу сторонушку — во лихую семью.
Чужая сторонюшка безъ вѣтру сушить,
Чужой отецъ съ матерью безъ дѣла бранять;
Посылають меня молodu въ полночь по воду;
Зябнуть, зябнуть ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки къ коромыслицу;
Текуть, текуть слезоньки по бѣлу лицу,
Утираю слезоньки бѣлымъ платкомъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три года,
На четвертомъ годикѣ — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой — кукушечкою,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,

На любиму яблоньку — на матушкину;
Горькими слезами весь садъ потоплю,
Тяжелыми вздохами весь садъ посушу,
Закукую въ садикъ жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу:—
Матушка по горенкѣ похаживаетъ,
Невѣстусекъ, ласточекъ побуживаетъ:
„Вставайте, невѣстуски, голубки мои!
Что это за чудо у васъ случилось?
Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру посохъ,
Безъ дождя, безъ сильнаго, садикъ потонулъ
Что у насъ въ садикъ за пташечка поетъ,
Жалобной пѣсенкой сердечушко рветъ?“
Большая невѣстуска возговорила:
„Что это за пташечка—пойдемъ поглядимъ!“
Средняя невѣстуска: „пойдемъ изловимъ!“
Меньшая невѣстуска возговорила:
„Пташечка кукушечка—это наша сестра,
„Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
„Съ чужой сторонюшки, изъ лихой семьи!“
—Или ты безумная! дочка моя—
Бѣлая, румяная, всегда весела...
А эта, невѣстуска, худа и блѣдна.
—„Оттого худа-блѣдна: въ чужой сторонѣ,
На чужой сторонюшкѣ плохое житье.“

3

Что-й-то мнѣ, матушка,
Мало спалось,
Мало спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто меня конь разносилъ,
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ;
Шапочка свалилась
Съ буйной головы;
Лучекъ оборвался
Съ правой стороны;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ. —
— „Дѣтушка милая!
Сонъ разкажу:
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ:
То тебѣ, дитяtko,
На службѣ быть;
Шапочка свалилась
Съ буйной головы,
То тебѣ дитяtko,
Убитому быть;

Лучекъ оборвался
Съ правой стороны:
То твоей жонущкѣ
Вдовушкой быть;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ:
То твоимъ дѣтушкамъ
Сиротками быть“.

4.

Ахъ, вы горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Породили вы бѣль-горючь камень,
А на камушкѣ растетъ часть ракистовъ кустъ,
Что подъ кустикомъ лежалъ убитъ добрый молодець,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ кудри черныя;
Изъ реберь его проросла трава,
Ясны очи пескомъ засыпались.
Что не ласточка не касаточка
Вкругъ тепла гнѣздышка увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ, говаривала:

Не водись, мой сынъ, съ бурлаками,
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина,
Потерять тебѣ буйну голову.

V. РУССКІЕ ГОРОДА.

Хорошъ городъ Питерь, да бока вытеръ (т. е. дорогъ).

Москва создана вѣками, Питерь милліонами.

Славна Москва калачами, а Петебургъ усачами.

Въ Москвѣ каждый день праздникъ (по множеству церквей).

Первые города отъ Москвы два девяноста верстъ: Владимірь, Тверь, Тула, Калуга, Казань.

Владимірцы: наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и молодець.

Во Владимірь и лашу топоромъ крошатъ (обычай этотъ держится только въ вольныхъ [казенныхъ] деревняхъ).

Шуя. Шуйскій плутъ хотъ кого впряжетъ въ хомутъ;
въ Питеръ бывалъ, на полу сыпалъ, и то не упалъ.

Шуяне бѣса въ солдаты отдали.

Ковровцы — офени, коробейщики.

У насъ-ти въ Ростовѣ чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-
ти все коневій.

Сказываютъ: въ вашемъ ростовскомъ государствѣ ро-
стовское озеро сгорѣло.

Нижній сосѣдъ Москвѣ ближній.

Худъ Пермькѣ, да два языка знатъ.

Хлыновцы (Вятка) корову въ сапоги обули (краде-
ную, чтобъ слѣду не было).

Мы вятчески, ребята хватчки: семеро одного не боимси.

Пропили воеводы Вологду.

Архангельцы - моржеѣды.

Отъ Холмогоръ до Колы — тридцать три Николы.

Во всей Онегѣ нѣтъ телеги.

Велуга. Санникъ да телѣжникъ, а выѣхать не начемъ.

Пешехонцы на сосну лазили Москву глядѣтъ.

Тула. Присядь, бачка, чижи летятъ. (Туляки птице-
ловы).

Молодечъ, а молодечъ! продай на грошъ постныхъ
яечь (яиць).

Рязанцы: мѣшкомъ солнышко ловили.

Спасцы (Рязанской губ.): откуда ты, молодечъ? —

Спасскій купечь. — Чѣмъ торгуешь? — краснымъ товаромъ: сальными свѣчами да чистымъ дегтемъ.

Пензяки: въ Москвѣ свою корову узнали.

Въ Астрахани — и коровы рыбу ѣдятъ (соленую).

Смоляне: за мезгой *) въ городъ ѣздили, въ красные ряды ходили.

Вязьма въ пряникахъ увязла.

У насъ въ Ельцѣ, на рѣкѣ Соснѣ, курица втенка (утенка) вывела!...

Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава; а въ грязи, какъ жаба.

Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ.

Вышелъ изъ полону, да поселился на Дону.

Донцы — осетерники, балычники, станичники.

На Дону ни ткуть, ни прядутъ, а хорошо ходятъ.

Волгой плыть долго, а Дунай широко.

Страшна Сибирь слухомъ, а люди лучше нашего живутъ.

*) Мезга — сосновая обложь, которую мѣшаютъ въ хлѣбъ.

VI. БЫЛИНЫ.

1. Волга Святославовичъ.

Возсіяло солнце красное
На этомъ на небушкѣ на ясномъ,
Зарождался молодой Вольгà,
Молодой Вольгà Святославовичъ.
Уходили всѣ птицы въ синія моря,
Улетали всѣ птички за оболочка,
Убѣгали всѣ звѣри въ темные лѣса.
Сталь Вольгà рости-матерѣть,
Избирать собѣ дружинишку храбрую,
Тридцать молодцевъ безъ одинаго,
Самъ еще Вольгà въ тридцаты ихъ.

Молодой Вольга́ Святославговичъ

Со своею дружинушкой храброю

Поѣхаль въ раздолье во чисто поле.

Онъ услышалъ въ чистомъ поле ратая *):

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ.

Ѣхаль Вольга́ до ратая.

День съ утра онъ до вечера,

Со своею дружинушкой храброю,

А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Ѣхаль Вольга́ еще другой день,

Другой день съ утра до вечера,

А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ.

Ѣхаль Вольга́ еще третій день,

Третій день съ утра до пабѣдья,

Наѣхаль онъ въ чистомъ полѣ на ратая:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Съ края въ край бороздки пометываетъ,

Коренья, каменья вывертываетъ.

Кобыла у ратая соловая,

Сошка у ратая кленовая,

Гужики у ратая шелковые.

Говориль Вольга́ таковы слова:

„Божья тѣ помочь, оратаюшко!

*) Ратай — пахарь.

„Орать да пахать да крестьянствовать,
„Съ края въ край бороздки пометывать,
„Коренья, камня вывертывать.“

Говорилъ оратай таковы слова:
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой храброю?!

„Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою.“

Говорилъ оратай таковы слова:
Ай же, Вольга Святославовичъ!

А недавно я былъ въ городни, третьево-дни,
На своей кобылкѣ соловойей,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха по сороку пудовъ.

И живутъ-то мужики все разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныхъ;

А былъ я съ шалыгой *) подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:

Который стоя стоитъ, тотъ сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —

Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай же, оратай, оратаюшко,

„Поѣдемъ со мною во товарищахъ!“
Этотъ оратай — оратаюшко

*) Кистень.

Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

„Ай же, Вольга Святославовичъ!

„Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

„И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

„А гля-ради мужика деревенщины:

„Какъ бы сошку изъ земельки повыдернуть,

„И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?“

Молодой Вольга Святославовичъ

Посылаетъ онъ изъ дружинушки храбрыя

Пять молодцевъ могучіихъ,

Чтобы сошку изъ земельки повыдернули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Эти пять молодцевъ могучіихъ

Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,

Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Молодой Вольга Святославовичъ

Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,

Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:

Сошки отъ земли поднять нельзя,

Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинишку храбрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошки съ земельки повыдернулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-та грудью пошла,
Сталъ Вольгá тутъ покрикивати,
Калпакомъ Вольгá сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Эта кобылка—конькомъ бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говорилъ оратай таковы слова:
„Глуный Вольгá Святославговичъ!
Взялъ я кобылку отъ матушки,
Заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.“

Говорилъ Вольга Святославовичъ:

„Ай же ты, ратай-ратаюшко?

Какъ-то тебя именемъ зовутъ,

Какъ-то величаютъ по отечеству?“

Говорилъ оратай таковы слова:

„Ай же, Вольга Святославовичъ!

А я ржи напашу, да въ скирды сложу,

Во скирды складу, домой выволочу,

Домой выволочу, да дома вымолочу.

Драни надеру, да и пива наварю,

Пива наварю, да и мужиковъ напою.

Станутъ мужички меня покликивати:

Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

2. Илья Муромецъ.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,

На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіяхъ,

Стояла застава богатырская;

На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;

Есаулъ Алеша поповскій сынъ;

Еще былъ у нихъ Гришка боярскій сынъ,

Былъ у нихъ Васька Долгополой.

Всѣ были братцы въ разѣздицѣ!

Гришка боярскій въ тѣ поры кравчимъ *) жилъ;
Алеша поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спаль во бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхаль?
Изъ этой земли изъ Жидовскія
Проѣхаль Жидовинъ могучъ богатырь
На эти степи Цицарскія!“
Приѣхаль Добрыня въ стольной Кіевъ градъ,
Прибираль свою братью приборную:
„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
„Мы что на заставушкѣ устояли?
„Что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхаль.“
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

*) Кравчій завѣдывалъ напитками, подававшимися къ столу.

Положили на Ваську Долгополага.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:

„Не ладно, ребятушки, положили;

„У Васьки полы долги:

„По землѣ ходитъ Васька заплетается;

„На бою—на дракѣ заплетается;

„Погинетъ Васька по напрасному“.

Положились на Гришку на боярскаго:

Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика на чистомъ полѣ.

Говорить большой богатырь Илья Муромецъ

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:

„Не ладно, ребятушки, удумали,

„Гришка рода боярскаго:

„Боярскіе роды хвастливые;

„На бою-дракѣ призахвастается,

„Погинетъ Гришка по напрасному“.

Положились на Алешу на Поповича:

Алешѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.

Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:

„Не ладно, ребятушки, положили:

„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ“.

„Много золота, много серебра,
„Злату Алеша позавидуетъ,
„Погинетъ Алеша по напрасному.“

Положили на Добрыню Никитича!
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Идетъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаеть Добрыня добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торокà вяжетъ палицу боевую,
На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Ѣдетъ на гору Сарочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину (черное пятно),
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Воръ собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

„Есаулу Алешѣ въ казну не владешь,

„На всю братію наборную?“ —

Учуль нахвальщина зычень голосъ,

Поворачиваль нахвальщина добра коня,

Попущаль на Добрыню Никитича:

Сыра мать земля всколебалася,

Изъ озеръ вода выливалася,

Подъ Добрыней конь на колѣни палъ.

Кое-какъ Добрынинъ конь поисправился,

Ѣхаль онъ на заставу богатырскую.

Говорить Илья Муромецъ:

„Больше не кѣмъ замѣнитися,

„Видно ѣхать атаману самому!“

Идетъ Илья на конюшій дворъ,

Имаеть Илья добра коня,

Уздаеть въ уздечку тесмянную,

Сѣдлаеть въ сѣделышко черкасское,

Въ торокѣ вяжетъ палицу боевую,

На бедра беретъ саблю вострую,

Въ руки беретъ плеть шелковую,

Ѣдетъ на тору Сарочинскую;

Посмотрѣль изъ кулака молодецкаго,

Увидѣль на полѣ чернизину;

Поѣхаль прямо на чернизину,

Вскричалъ зычнымъ-громкимъ голосомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!“

„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь ?“

„Мнѣ атаману, Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь ?“

„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу ?“

„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь ?“

„На всю нашу братію наборную ?“

Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ;

Поворачивалъ нахвальщина добра коня,

Попушалъ на Илью Муромца.

Съѣзжался Илья съ нахвальщикомъ.

Впервые палками ударились —

У палокъ цевья отломились,

Другъ другу не ранили;

Саблями вострыми ударились —

Востры сабли проломались,

Другъ другу не ранили;

Вострыми копьями кололись —

Другъ другу не ранили;

Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,

Бились, дрались день до вечера,

Съ вечера бьются до полуночи.

Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:

Махнетъ Илейко ручкой правою —

Поскользится у Илейки ножка лѣвая:

Паль Илья на сыру землю;

Сѣлъ нахвальщина бѣлы груди,

Вынималъ чинжалище булатное.

Хочет вспороть груди бѣлыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову!
Еще сталь нахвальщина наговаривать:
„Старый ты старикъ, старый, матерой,
За чѣмъ ты ѣдишь во чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При томъ пути, при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-напоенъ былъ.“
Лежить Илья подь богатыремъ,
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщику въ бѣлыя груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго;
Палъ нахвальщина на сыру землю.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлыя груди.
Не досугъ Ильюхѣ много спрашивать—
Скоро спороль груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копьѣ на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца
Со всей братьей приборною.

Илья бросилъ голову о сыру землю,
При всей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѢзживаль“

3. Соловей Будимировичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго
Отъ того-де царя, вѣдь, заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — одинъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль лучше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дороге камню, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибавлено
По черному соболу сибирскому;

Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копыя мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
Два горностая, два зимніе;
Вмѣсто гривы прибivano
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ корма по туриному *),
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву
Къ ласковому князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ;
На чердакѣ бѣла бесѣдка—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣдка рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ-молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ;
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!

*) Туръ—животное, живущее теперь только въ Гродненской губ.
и на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ.

Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
“Ты славный богатый гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ лисиць;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ;
На златѣ на серебрѣ не погнѣваться,,
Прибѣжали корабли подѣ славный градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросили на круть бережокъ.
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисиць,
Пошелъ онъ къ ласкову князю Владиміру,
Идетъ въ гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣвной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

Вторые сорокъ бурнастыхъ лисиць;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Не дорога камочка—узоръ хитеръ;
На златѣ и серебрѣ не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси ты богатый гость,
Соловей сынъ Будиміровичъ!
Заимуй дворы княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй и дворянскіе“.
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
„Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханья и неоранья,
У своей, сударь, княженецкой племянницы,
У молодой Запавы Путятишной,
Въ ея, государь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряжень дворъ“.
Говорилъ, сударь, ласковой Владиміръ князь:
„На то тебѣ съ княгиною подумаю!“
А подумавши отдавалъ Соловью загонъ земли

Непаханья и неоранья.

Шель Соловей над свой червленъ корабль;

Говориль Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Гой еси вы, мои люди работные!

Берите вы топорики булатные,

Подите къ Запавъ во зеленый садъ,

Постройте мнѣ снаряженъ дворъ:

Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.

Съ вечера позднымъ поздно

Работала его дружина храбрая

Къ полуночи и дворъ поспѣлъ:

Три терема златоверховаты,

Да трои сѣни косящатыя,

Да трои сѣни рѣшетчатыя.

Хорошо въ теремахъ ризукрашено:

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;

На небѣ мѣсяць, въ теремѣ мѣсяць;

На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;

На небѣ зоря, въ теремѣ зоря,

И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили къ заутрени,

Ото сна Запава пробуждалася,

Посмотрѣла сама въ окошко косящатое,

Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,

Въ свой во хорошій зеленый садъ:

Чудо Запавъ показалось

Въ ея хорошемъ, въ зеленомъ саду
Стоять три терема златоверховаты.
Скоро Завава наряжается,
Надѣла шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговики въ семь тысячей;
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой во хорошь, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ шелчить, молчить,
Лежить Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ цотихоньку говорятъ,
Цотихоньку говорятъ, все молитву творять —
Молится Соловьева матушка.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Завава въ сѣни косящатыя,
Отворила двери на пяту —
Больно Завава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися:
Чудо въ теремѣ показалося —
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяць, въ теремѣ мѣсяць;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ зоря, въ теремѣ зоря,

И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженъки рѣзвыя;
Въ ту пору Соловей, онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватилъ дѣвицу за бѣлы руки.
„Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возрастѣ.“

— А я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься! —
Тутъ они и помолвили.
Провѣдала его Соловьева матушка,
Свадьбу кончити назначила:
“Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгнешься,
Тогда и на Запавѣ женишься.”
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.

Въ ту пору поѣхалъ и Шапъ Давидъ Поповъ —
Скоро за морями исторгнется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ;
Приходитъ къ ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину *) печатную.
Въ ту пору князь сталъ спрашивать:
„Гой еси ты, Шапъ Давидъ Поповъ!
Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ

*) Крашевина — толстый холстъ, окрашенный какой-нибудь краскою.

Про гостя богатаго, про молода сына Будиміровича?
Соловья, сына Будиміровича?“
Отвѣчалъ ему Шапъ Давидъ Поповъ:
„Я-де объ немъ слышалъ
Да и самъ подлинно видѣлъ
У того царя заморскаго;
Соловей у царя въ протаможье попалъ
И за то посаженъ въ тюрьму, а корабли его отобраны.“
А корабли его отобраны.
Тутъ ласковой Владиміръ князь закручинился;
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за Шапа Давида Попова.
Тысяцкой — ласковой Владиміръ князь;
Сваха была княгиня Апраксѣвна,
Въ поѣзду князи и бояре,
Поѣзжали въ церкви Божіи.

Въ ту пору жь въ Кіевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода Соловья,
Сына Будиміровича.
Якори бросали во быстрой Днѣпръ,
Сходни метали на круть бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля со каликами *):

*) Калика (калъка) — нищій, просящій милостыню пріемъ различныхъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней.

Пошли они на княженецкой дворъ
И стали во единый кругъ.
Въ ту пору слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ князь въ домъ свой;
И пошли во gridsи свѣтлыя,
Садилися за столы бѣлодубовы,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ съ каликою.
Тогда ласковый Владимиръ князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья узнавали,
Проводили его ко княженецкому столу.
Сперва говорила Завава Путятишна:
„Гой еси мой, сударь, дядюшка,
Ласковой, сударь, Владимиръ князь!
Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!“
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ;
Пошла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя.
Въ ту пору ласковой Владимиръ князь
Весель сталъ, а княгиня наипаче того;
Поднимали пирушку великую.

4. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ большой.
На стулѣ золотомъ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Суды разсуживаетъ,
Ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По тѣмъ татарскимъ головамъ.
Шурьевъ царь дарилъ
Городами стольными:
Василью-то Плесъ,
Гордею Вологду,
Ахрамею Кострому;
Одного не жаловаль
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловаль?
И за то не пожаловаль:
Его дома не случилось,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую.
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани — невыходы,
Царскіе невыплаты:

Съ князей браль по сту рублей,

Съ боярь по пятидесяти,

Съ крестьянъ по пяти рублей;

У котораго денегъ нѣтъ,

У того дитя возьметъ;

У котораго дитяти нѣтъ,

У того жену возьметъ;

У котораго жены-то нѣтъ,

Того самаго головой возьметъ.

Вывезъ младъ Щелканъ

Дани — невыходы,

Царскіе невыплаты.

Вывель младъ Щелканъ

Коня во сто рублей,

Сѣдло въ тысячу,

Узду — цѣны ей нѣтъ:

Не тѣмъ узда дорога,

Что вся узда золота;

Она тѣмъ узда дорога—

Царское жалованье;

А нельзя, дескать,

Тое узды ни продать, ни промѣнять,

Ни друга подарить.

Проговорить младъ Щелканъ,

Младъ Дудентьевичъ:

„Гой еси царь Азвякъ!

Пожаловаль ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ:
Василью-то Плесъ,
Гордѣю—Вологду,
Ахрамею—Кострому;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старую,
Тверью богатою.“
Проговорить царь Азвякъ:
„Гой еси шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-т-ка ты сына своего,
Сына любимаго;
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
Тогда я тебя пожалую
Тверью старую
Тверью богатою!“
Въ ту пору младъ Щелканъ
Своего сына закололъ,
Чашу крови нацѣдиль,
Крови горячія.
И въ ту пору царь Азвякъ
За то его пожаловаль

Тверью старую,
Тверью богатою.

Въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьбою насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатою:
Вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми насмѣхаться.
Мужики-то старые,
Мужики-то посадскіе,
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками,
И понесли они честные подарки
Злата и серебра и скатнаго жемчуга
Щелкану Дудентьевичу.
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ:
Младъ Щелканъ
Зачванился, загордынился—
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги
И тутъ его разорвали.
Тутъ ему смерть случилася,
Ни на комъ не сыскалася.

5. Татарскій полонъ.

Какъ за рѣкою,
Да за великою
Злы татарове
Дуванъ дуванили (добычу дѣлили).
На дуваньницѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу, зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
„Тѣ работница;
„Съ Руси русская
„Полоняночка.
„Ты заставь ее
„Три дѣла дѣлати:
„Перво дѣло —
„Куделю прясть,
„Другое дѣло —
„Лебедей стеречь,
„А третье дѣло —
„Дитю качать!“

Полоняночка

Съ Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ :
„Ты, баю, баю,
„Боярской сынъ !
„Ты по батюшкѣ
„Золь татарченекъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученочекъ,
„И моихъ черевъ
„Ты уривочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она —
„Во полонъ взята :
„У ней на правой груди
„Есть родинка,

„На лѣвой ногѣ

„Нѣтъ мизинчика!

„Мнѣ бить тебя

„Такъ грѣхъ будетъ;

„Мнѣ дитей назватъ

„Мнѣ вѣра не та!“

Услыхали то

Дѣвки сѣнныя,

Прибѣжали онѣ

Къ своей барынѣ:

„Государыня

„Наша барыня!

„Полоняночка

„Съ Руси русская

„Она глазками

„Лебедей стережетъ,

„А ручками

„Кудель прядетъ,

„А ножками

„Колыбель колышетъ.

„Охъ, качаетъ дитя,

„Прибаюкиваетъ:

„Ты баю, баю,

„Боярскій сынъ!

„Ты по батюшкѣ

„Золь татарченокъ,

„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученочекъ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полонъ взята:
„На правой груди
„У ней родинка,
„На лѣвой ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назвать,
„Мнѣ вѣра не та!“

Что стучить, гремитъ,
По сѣнямъ бѣжить,
И дрожа дрожить,
Дочка къ матери!
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня

„Моя матушка!
„Не спознала тебя
„Моя родная!
„Ты бери ключи,
„Ключи золоты.
„Отпирай ларцы,
„Ларцы кованы,
„Ты бери казны
„Сколько надобно;
„Ты бери коня
„Что ни лучшаго,
„Ты бѣги, мать,
„На родную Русь!“
Не поѣду я
На родную Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

Е. Свадьба Грознаго.

Приутихло-приуныло море синее,
Глядучись-смотрячись со черныхъ кораблей
На тѣ на круты бережки.
Приутихли-приуныли круты красны бережки,
Глядучись-смотрячись со черныхъ кораблей,
На тѣ на горы высокія,

На тѣ на поля зеленыя.
Приутихли-приуныли поля зеленыя
Глядючи-смотрячи на государевъ дворъ.
Преставляется царица молодая
Анастасія Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млада двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до двухъ царевичей.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
„Когда будутъ дѣвицы въ твердомъ умѣ,
„Въ полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
„Ты тогда отдавай дѣвицъ замужъ.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ
„И до своего ты до крестнаго батюшки,
„До того Богдана Сирскаго:
„Тутъ твоя дума крѣпкая!
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко:

„Не будь ты ярь, будь ты милостивъ
„До своихъ солдатушекъ служащихъ:
„Тутъ твоя сила вѣрная!
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
„Не будь ты ярь, будь ты милостивъ
„До всего народу православнаго,
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
„Что я тебѣ царица прикажу,
„Прикажу и повыскажу:
„Когда я, царица, преставлюся,
„Не женись ты, царь, въ дальней Литвѣ,
„На той ли на Марьѣ Темрюковнѣ,
„А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ.“

И тутъ царица преставилась,
Тутъ царицѣ славу поютъ.

Прошло времени три мѣсяца,
Захотѣлъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Жениться на той на Марьѣ на Темрюковнѣ;
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
Того ли Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ дальнюю Литву,
Бралъ онъ Марью Темрюковну
Со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ;
Отправлялся онъ изъ дальней Литвы.

Не дошелъ до матушки каменной Москвы,
 За сто верстъ становиль онъ свою силу армію,
 Сходилъ онъ скоро со добра коня,
 Бралъ онъ чернильницу вольянскую,
 Бралъ перо лебединое,
 Бралъ бумагу — гербовой листъ,
 Посылаетъ онъ листъ
 Своему дядюшкѣ любезному,
 Крестному батюшкѣ Богдану Сирскому:
 „Дядюшка Богданъ ты мой Сирской!
 „Встрѣть ты меня съ честью и радостью,
 „Съ тѣмъ пѣтьемъ Божіимъ церковнымъ,
 „Со тѣмъ созвономъ колокольнымъ,
 „Со той пальбой пушечной!“
 Отправлялся его скорой гонецъ,
 Скорой гонцею скорой посоль:
 Привалилъ съ своей силой-арміей
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Привалилъ въ каменну Москву
 Не встрѣтилъ его любезный дядюшка,
 Тотъ Богданъ Сирскій,
 Ни съ пѣтьемъ церковнымъ,
 Ни съ той пальбой пушечной.
 Заѣзжалъ сударь грозень царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Въ ту церковь Божію,

Принималъ златы вѣнцы
Съ той Марьей Темрюковной.

На той на радости великія
Заводилъ онъ почестень пирь,
На всѣхъ на князей, на думныхъ боярь,
На сильныхъ могучихъ богатырей.

Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ къ закату,
А почестень пирь на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.

Говорить ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:

“Ай ты мой зягюшко любезный,

“Грозень ты царь, Иванъ Васильевичъ!

“Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ

“Борцы-молодцы приученые,

“Какъ бы мнѣ съ ними поборотися?”

Требовалъ сударь грозень царь,

Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

Борцовъ-молодцовъ не случилось,

Только случился Васька хромоногенькой,

На лѣву ножку онъ припадываетъ,

По двору прихрамываетъ,

Ко двору государеву придвигается

И входитъ въ палаты царскія.

Говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ

Своему зятю любезному:

“Черть у васъ, не борцы-молодцы,

И не приучены!,”

Говоритъ Васекъ грозень царь,

Грозень царь Иванъ Васильевичъ:

“Еслибъ ты Кострюка поборолъ,

“Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!”

На лѣву ножку Вася припадываль,

А правой ножкой подхватываль,

Металь Кострюка о кирпичный полъ:

На животѣ кожа треснула,

На хребтѣ его кожа лопнула.

7. Французъ съ арміей валить.

Заводилась война

Среди бѣлаго дня.

Только дымъ столбомъ валить:

Каково есть красно солнце,

Не видно во дыму!

Только видно во дыму:

Не ясенъ соколь летить,

Добрый молодецъ гуляетъ

Онъ по крутой по горѣ,

Самъ на ворономъ конѣ,

Мимо казаковъ проскакиваль,

Два словечка проговариваль: „
„Казаки, вы казаки! „
„Военные мои, „
„Удалые молодцы! „
„Безъ размѣрушки пейте „
„Зеленато вина, „
„Посмѣлѣе подступайте „
„Со Французомъ воевать! „
— Ужь мы рады воевать, „
Слезны капли проливать! „
Не пыль вот полѣ пылить, „
Не дубровушка шумить: „
Французъ съ арміей валить, „
Самъ подваливаетъ, „
Рѣчь выговариваетъ: „
„Еще много генераловъ „
„Всѣхъ въ ногахъ стопчу; „
„Всея матушку Россюшку „
„Въ полонъ себѣ возьму, „
„Въ каменну Москву зайду! „
Генералы испугались, „
Платкомъ слезы утирали, „
Въ поворотѣ слово сказали: „
„Не бывать тебѣ, злодѣю, „
„Въ нашей каменной Москвѣ; „
„Не видать тебѣ, злодѣю,

„Бѣлокаменныхъ церквей;
„Не стрѣлять тебѣ; злодѣю, взвѣ
„Золотыхъ нашихъ крестовъ!“

На лужку было лужку
Стоить армія въ кружку;
Лопуховъ вѣздиль въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Отчего не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца-пороху довольно,
Сидятъ полкъ стоять.
Ужь мы билися, урубилися
Четырнадцать часовъ.
На пятнадцатомъ часу
Стали силу разбивать
И полковничковъ считать.
Не нашли такихъ любимыхъ
Полковничковъ до семидми
Генераловъ до осьми,
Мелкой солдатской силой
Сосчитать мы не могли
Которы на горѣ,
По колѣнь встоять въ рудѣ (крови);
Которы подъ горой
Тѣхъ засыпало землей...
Не видать тебѣ злого

К. ОТКЛЮЧЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ II.

У буржуйки Васса бабушка Михаилъ
Починать избенку лѣту идирихала.
Отвѣчала вѣтъ, гласу и идирихала — не буржуйка!
„Вотъ прѣдетъ баринъ — баринъ нѣтъ разсудитъ,
Варникъ сама, гласитъ, нѣтъ злата, идирихала,
И полить дитя нѣтъ — нѣтъ дитя, старухинъ,
Кто те не гласитъ, дитя нѣтъ, идирихала,
У крестьянъ земляны вонючекъ идирихали,
Оттукать, оттукать, идирихали, идирихали —
„Вотъ прѣдетъ баринъ, будеть землицы нѣтъ!“

II ПЛАТНО

1. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Забытая деревня.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
„Вотъ пріѣдетъ баринъ — баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка
И велитъ дать лѣсу“ — думаетъ старушка.
Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягаль, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ —
„Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!“

Думають крестьяне: „скажетъ баринъ слово —
И землю нашу отдадутъ намъ снова.“

3.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечить дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. „Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ“ — говоритъ Наташа.
Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ —
„Вотъ пріѣдетъ баринъ!“ — повторяють хоромъ.

4.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда плута урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходять бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредить,
Барина все нѣту... Баринъ все не ѣдетъ.

5.

Наконецъ однажды среди дороги
Щестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ, а за гробомъ новый;
Старого отпѣли; новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

Некрасовъ.

2. Деревенскія новости.

Что у васъ новаго, братцы?

— „Умеръ третъеводни Власъ!“

„И отказаль тебѣ святцы.“

— Царство небесное! Что вѣждъ влопъ?

Было ему ужъ до сотни?

— „Было и съ хвостикомъ сто.“

— Какъ урожай? — „Ничего.“

„Горе другое: покрали!“

„Много лѣску твоего.“

„Мы становаго ужъ звали.“

— „Станъ мой великъ, говорить!“

„Съ хвостикомъ двадцать пять тысячъ.“

„Гдѣ тутъ судить, говорить...“

„Съ тѣмъ и уѣхаль домой.“

„Такъ, ничего не подѣлавъ.“

— „Нуженъ-ста тутъ межевой!“

— „Да епутать отъ удѣловъ!“

— „Въ Ботовѣ валится скоть.“

„А у солдатки Аксиньи?“

„Дѣвочку — было ей съ годъ.“

„Съѣли проклятыя свиньи;“

. Пастуха

„Громомъ въ стадѣ убило.“

„Ну ужъ и буря была!“

- „Какъ еще мы уцѣлѣли!
- „Колокола-то, колокола —
- „Словно о Пасхѣ гудѣли!
- „Наши рѣченки водой
- „Налило на три аршина;
- „Съ поля бѣжала домой;
- „Словно шальная скотина;
- „Съ ногъ ее вѣтеръ валилъ.
- „Крѣпко намъ жалъ мальчугана;
- „Этакой клопъ, а отбилъ
- „Этто у волка барана:
- „Стали Волчкомъ его звать;
- „Любо! Встаетъ съ пѣтухами,
- „Пѣсни начнетъ распѣвать,
- „Весь уберется цвѣтами,
- „Ходитъ проворный такой.
- „Матка его проводила:
- „— Поберегися, родной!
- „Слышишь, какая завыла!
- „— Буря-ста мнѣ ни почемъ,
- „Я, говорить, не ребенокъ!
- „Да размахнулся кнутомъ
- „И повалился съ ноженое!
- „Мы посмѣялись тогда,
- „Такъ до полдень позѣвали,
- „Слышимъ — случилась бѣда:

- „Шли бы: убитаго взяли!
„И уцѣлѣлъ бы, да вишь
„Крикнулъ дуракъ ему Ванька:
„— Что ты подѣ дровомъ сидишь?
„Хуже подѣ дровомъ-то... Встань-ка! —
„Онъ не перечилъ — пошелъ,
„Сѣлъ подѣ рогожей на кочку,
„Ну, а Господь и навелъ
„Громъ въ эту самую точку!
„Взяли — не въ полѣ бросать,
„Да какъ рогожку открыли,
„Такъ не одна его мать —
„Всѣ наши бабы завыли:
„Угомонился Волчокъ —
„Спитъ себѣ. Кровь на рубашкѣ,
„Въ лѣвой рученкѣ рожекъ,
„А на шляпенкѣ вѣнокъ
„Изъ васильковъ да изъ кашки!
„— Этой же бурей сожгло
„Красныя Горки; пониже,
„Помнишь, Починки село —
„Ну и его... Вотъ поди же!
„Въ Горкахъ пожаръ ужъ притихъ,
„Ждали: Починокъ не тронетъ!
„Смотрять, а вѣтеръ на нихъ,
„Пламя и гонить, и гонить!...“

II. РАЗСКАЗЫ.

1. Ночь подь свѣтлый день.

По заведенному изстари обычаю, во всѣхъ селахъ ночь подь свѣтлый день проходитъ безъ сна, въ сборахъ къ празднику. Съ вечера въ каждомъ домѣ за-тапливаются печи и вплоть до заутрени идетъ стряпня. Такъ какъ заутреня начинается очень рано, то съ вечера же народъ одѣвается въ праздничное платье. Всякій мужикъ долгомъ считаетъ обуть, хотя старые, но во всякомъ случаѣ вымазанные дегтемъ сапоги; бабы надѣваютъ расписныя понявы; парни красныя рубахи. Старушки принаряжаются для свѣтлаго Христова Воскресенья въ темные растегаи, купленные на ярморкѣ, въ

новые лапотки и снѣжной бѣлизны платочки, предназначенные самими же старушками препроводить ихъ на тотъ свѣтъ.

Съ закатомъ солнца окрестныя деревни и слободы пустѣютъ. Народъ съ куличами, пасхами отправляется на ночь въ приходское село. Въ церкви до благовѣста обыкновенно читаютъ житія святыхъ и чудеса разныя; туда стекаются богомольные и желающіе провести время въ благочестивыхъ размышленіяхъ. Большая часть людей идетъ въ дома своихъ знакомыхъ.

Часовъ въ восемь вечера сельская улица наполнена народомъ. Во всѣхъ окнахъ свѣтятся огни. Около слободъ поповской и дворовой толпятся мужики, дворники, прикащики, лакеи. Гдѣ просятся ночевать, поздравляютъ съ праздникомъ, спрашиваютъ о здоровьи и проч.

— „Наше почтенье Савелію Игнатьичу. Съ наступающимъ праздникомъ честь имѣю поздравить.“

— Многолѣтняго здравія, Петръ Акимычъ, Лукерья Филиповна!... Авдотья Герасимовна!... Что? и вы къ заутрени жалуете?

— „Да-съ; и мы...“

— Дѣло... Вотъ и я съ супругой тоже. Нельзя. Вся причина праздникъ обширный... смѣшно будетъ не идти.

— „Не знаете ли, Савелій Игнатьичъ, гдѣ бы мнѣ переночевать съ семействомъ?“

— Право слово, не знаю. Мы съ супругой у отца дьякона. Да вы попробуйте, спросите вонъ въ кабакъ: теперь тамъ просторно...

— „Какъ можно...“

— Ей-Богу! Да чтожь вы думаете? да мы съ супругой, я вамъ скажу, разъ въ конюшнѣ ночевали...

— Да, гдѣ ты, Настя? кричитъ какая-то женщина.

— „Я? Вотъ...“

— Иди скорѣй. Пойдемъ. Или ты не видишь, всюду лакеи шляются. Какъ же можно одной?

— „Онъ, маменька, ничего...“

— Кто?

— „Лакей... барской. Онъ только говоритъ: Христосъ воскрес!“

— А ты?

— „А я говорю: воистинну...“

— Ну и дура за это... вотъ тебѣ сказъ!

— Здравствуйте, Наумъ Ѳедотычъ. Куда это вы такъ торопитесь?

— „Здравствуйте, сударыня...“

— Какъ поживаете?

— „Да что, матушка, забылъ дома яйца“.

— А-а-а!

— „Сейчасъ помереть...“

Въ дьячковскомъ домѣ при свѣтѣ ночниковъ хозяйка съ засученными рукавами переваливаетъ съ боку на бокъ на столѣ тѣсто. Ея крошечный сынишка, весь въ мукѣ, стоитъ на полу и смотритъ на нее, что-то ожидая.

— Рано, голубчикъ, говоритъ дьячиха. Ни свѣтъ, ни заря... Богъ ушко отрѣжетъ...

Мальчикъ кладетъ въ ротъ палецъ.

Дьячку, сидящему за церковной книгой и тихонько напѣвающему: „тебе на водахъ“, дочь заплетаетъ косу.

Въ кухнѣ священника напротивъ пылающей печи молодой работникъ съ молодой работницей изо всей мочи щиплютъ куръ и поросятъ, такъ что животныя даже по смерти своей издають пискъ.

— Пойдешь къ заутрени? спрашиваетъ работникъ, обдирая ухо на поросенкѣ.

— „Неколи... я бы пошла.“

— Такъ къ обѣдни приходи... Яйцо тебѣ дамъ...

— „Приду къ обѣдни.“

Земскій примѣриваетъ только что принесенный сертуекъ. Портной осаживаетъ полы, самодовольно встряхиваетъ головой и говоритъ:

— Графу не стыдно надѣтъ... Какова работа! —

Земскій ухмыляется. Онъ хочетъ показаться женѣ.

Земчиха въ другой комнатѣ снаряжаетъ бабу въ анбаръ. Она говоритъ ей, доставая изъ-подъ платья ключъ:

— Сходи ты, любезная...

— „Варя — перебиваетъ земскій — погляди-ко: хорошо?“

— Пошелъ ты отсюда! затѣйникъ...
Земскій идетъ назадъ обезкураженный.

Въ конторѣ идетъ спѣвка. Лакей съ тростью въ рукѣ стоитъ передъ толпою крестьянскихъ ребятишекъ и задаетъ имъ тонъ, дѣлая своимъ голосомъ раскаты:

— Го-го-го-тр-р-р-тон-тон... Начинай! ну?

Ребятишки развѣваютъ рты. Лакей взмахиваетъ тростью, пѣвчіе отъ страху жмурятъ глаза.

— Трогай! ну, что же вы? начинай!

Мальчишки пыхтятъ.

— Качай! я опять дамъ тонъ; го-го-го-тр-р.... нѣтъ, погоди! лучше пойти хворостину принести....

Въ небольшой чистой горенкѣ, устланной свѣжей соломой, стоитъ передъ образами хорошенькая вдова. Передъ образами висятъ голубки, разноцвѣтныя лампы. Вдова вздыхаетъ. У ней слезы на глазахъ.

— Можно ночевать? раздается подь окномъ голосъ.

— „Кто это?“

— Я, я, Танюша....

Входитъ краснощекій парень, сапоги новые, шляпа новая съ пряжками и зелеными перьями....

Горница прикащика блистает огнями. Красный отъ бани прикащикъ пьетъ чай. Въ передней чистятъ сапоги. Хозяйка передъ зеркаломъ убираетъ голову.

— „Филимошка!“ возглашаетъ прикащикъ.

— Чего?

— „Къ заутрени не ходи.“

Чистка сапоговъ прекращается. Входитъ работница доносить:

— Кучерь Феногенъ приказаль спросить, можно ли ему идти?

— „А лошади съ кѣмъ останутся?“

— Мужикъ Лаврентій васъ спрашиваетъ.

Входитъ мужикъ.

— „Что?“

— Заступитесь.

— „Вѣдь я тебѣ сказалъ.... Дурачье вы!“

— Петръ Прохорычъ, ради свѣтлаго христова воскресенія....

— „Пошелъ вонъ!... Чтобъ я видѣлъ...“

— Петръ Прохорычъ, помилосердуйте! у меня дѣти!..

— „Эй, гоните его!... живо! эй!“

Мужика выгоняютъ.

— „Онъ васъ обругаль!“ — раздается доносъ.

Прикащикъ стоитъ, какъ врытый. Онъ вдругъ накидываетъ на себя шинель, захватываетъ что-то въ углу

и бѣжитъ изъ дому. Ему вслѣдъ мигнулъ Филимошка, державшій сапогъ въ рукѣ.

— „Не слыхала, Прасковья Федоровна, новость?“ — говорятъ на улицѣ старухи.

— Какую?

— „Будто нонѣ послѣ заутрени начнется свѣто-преставленья!“

— Неужели?

— „Да, матушка.“

— Это вѣрно-съ — подхватываетъ мѣщанинъ, взявшійся откуда-то. Потому опослѣ заутрени подыметъ самая трагедь....

— „Да вѣдь что, родная? сказываютъ, сейчасъ бѣсы пробѣжали у скотнаго двора... какое стадо!“

— А что, курочки-то у тебя хорошо несутся?

— „Плохо....“

Скоро десять часовъ; говоръ на улицѣ утихаетъ.

Домъ священника биткомъ набитъ народомъ. Столы и лавки завалены узлами, пасхами, писаными яйцами. По стѣнамъ сидятъ дворовыя дѣвки, прикащики, лакеи и пр. Въ кухнѣ смежной съ горницею, въ разныхъ положеніяхъ на полу, на печи, на конникахъ лежатъ и сидятъ мужики; въ сарафанахъ и душегрѣйкахъ ододворческія дѣвки; бабы—въ кичкахъ. Многіе раздѣты—въ однихъ праздничныхъ рубахахъ; въ избѣ душно. Крѣпкій дегтярный запахъ наполняетъ и кухню и гор-

ницу. Въ горницѣхъ подь лавками посажены на яйцы гусыни, которыя, говорятъ, не любятъ дегтярнаго запаха. Но онѣ сидятъ спокойно, и только тогда вскрикиваютъ, когда ихъ лучиною дразнить лакей, который хочетъ добиться того, чтобы гусыни пощипали за икры дворовыхъ дѣвокъ. Въ горницѣхъ пахнетъ еще пирогами, потому что цѣлое рѣшето пироговъ проноситъ попададя. Она на дорогѣ останавливается передь сонной купчихой и спрашиваетъ:

— Вы не хотите ли вздремнуть, Аграфена Карповна?

— „Нѣтъ-съ.... я ужь дождусь заутрени.“ Купчиха почесываетъ у себя подь мышками и закрываетъ глаза.

— А то возьмите подушечку?

Купчиха не отвѣчаетъ болѣе.

Одинъ изъ лакеевъ вздремнуть предлагаетъ дѣвкамъ. Дѣвки поднимаютъ его на смѣхъ. Онъ упирается затылкомъ въ стѣну. Другой рядомъ сидящій, вытянувъ ноги, поетъ про себя. Третій лакей шевелитъ лучиною подь лавкой: начинается такой шумъ, хохотъ, крикъ гусынь, что изъ спальни выходитъ священникъ и проситъ кричать полегче. Ему говорятъ, что это гусыни захались передь заутреней.

Напротивъ двори, въ углу, мѣщанинъ разсуждаетъ съ другимъ мѣщаниномъ о томъ, что надобно пить умбючи; а то опитъся недолго, — и приводитъ много несчастныхъ примѣровъ. Его собесѣдникъ не безъ хвастовства говорить:

— Мнѣ, Иванъ Тихоновичъ, Господь Богъ далъ такой умъ, что я теперь съ ведра не захмѣляю.

— „А у насъ, господа, прошу послушать — началъ худощавый башмашникъ: одинъ лакей у своего барина (лакеи наострили уши) выпилъ бутылъ и проглотилъ рюмку.

Лакеи вступаютъ съ башмашникомъ въ споръ. Священникъ снова выходитъ изъ спальни, чтобъ прекратить шумъ. Его просятъ быть посредникомъ и разобрать дѣло.

Въ кухнѣ разговоры не менѣе оживлены. На печи одинъ паренъ рассказываетъ сказку про Ивана царевича. Его слушаютъ много народу, облѣпивши печь кругомъ!

— Меньшаго, говоритъ паренъ, звали Иванъ царевичъ. Повадилась въ ихъ садъ летать жаръ-птица и клевать золотобрѣзъ-яблокъ.

На конникѣ, окруженная толпою бабъ, сидитъ въ бѣломъ платкѣ разутая дѣвушка Мариша, какъ сказываютъ, помѣшанная на любви къ барскому сыну. Ее спрашиваютъ, чѣмъ она кормится? Мариша, утираясь концами черной шали, отвѣчаетъ:

— „Гдѣ поиграю, попляшу... пѣть-то нечего: за мѣсто стиховъ... Купцы въ Ахрамовѣ надысь три копѣйки мнѣ дали.“

— Ну, а родные-то твои? постой... что ты толкаешь.

— Ты спроси про любовь...

— О, выдумала!... А родные-то твои желанны до тебя?

— „Снохи нароют картофелю и отъ меня прячутся... я сплю въ клѣти... (Молчаніе). Мнѣ помѣщица вуаль подарила; всѣ дѣвки на него смѣются.“

— погоди, ты не умѣешь!... Дай-ко я спрошу... Вишь она вовсе глупа... А въ селѣ-то, Мариша, любятъ тебя?

— Да старостины ребята все колотятъ. Какъ праздникъ, такъ бѣги вонъ изъ деревни... пьяные бьютъ. Наши мужики шутки-то не примаютъ. Нѣшто гдѣ они что видѣли? Все какъ бы подраться. Я въ монашки пойду. Говорятъ, на мнѣ младенческая.“

— Посторонитесь, говоритъ поповская работница, держа плиту съ жареными поросятами.

Народъ разступается.

— Важно запахло!... замѣчаетъ съ печи мужикъ.

— „Да — а.... присовокупляетъ другой. Вѣдь подумаешь, братецъ ты мой, праздникъ-то; оттого-то онъ дорогъ, что ѣда прекрасная...“

Подъ иконами старуха говоритъ про смерть своего сына ратника.

— И тамъ народъ, и по ту сторону народъ, вездѣ народъ, видимо-невидимо. Я кричу ему: „и гдѣ жъ нашъ-то соколикъ бѣлый?“ А онъ, косатка моя, руку вотъ

такъ и приложилъ къ ланитѣ. „Что жь умеръ что ли?“ Онъ рукой вотъ такъ и махнулъ!

Въ дѣтской комнатѣ происходятъ уборы. Дочь священника, невѣста въ коротенькихъ юбкахъ, готовится надѣвать платье. Ей хотять помочь дворовыя дѣвки. Попадья снимаетъ съ себя повойникъ. Двое мальчиковъ семинаристовъ, одѣтыхъ въ новые казакины, выбираютъ изъ лукошка красныя яйца. Они пробуютъ ихъ объ зубы и говорятъ: „давай биться!“ Семинаристы бьются и одно яйцо трещить.

Въ спальнѣ при свѣтѣ лампы въ полудремотѣ сидитъ прикащикъ съ узломъ; рядомъ священникъ; поодаль въ сторонѣ въ черномъ одѣяніи — монахиня. Монахиня прикащику рассказываетъ про чудо св. Макарія.

Мало по малу въ домѣ священника становится тихо. Лакеи угомонились; разговоры замолкли; народъ по большей части дремлетъ и спитъ. Пѣтухъ запѣлъ на дворѣ.

— Эй, вставай къ заутрени... благовѣсть!... раздаются голоса.

Въ самомъ дѣлѣ къ заутрени заблаговѣстили. Будятъ сонныхъ; поднимается суетня. Съ полатей, съ печи слезаетъ народъ. Со стола разбираются куличи, повсюду говоръ. Шумятъ накрахмаленныя платья. Священникъ съ палкой выходитъ изъ спальни. Всѣ спѣшатъ за нимъ. Въ опустѣвшемъ домѣ никого не остается, кромѣ работниковъ.

2. Митюха.

Молодецъ былъ Митюха, нечего сказать, парень уда-
лой, а горячъ какъ огонь: бѣда, какъ разсердишь! И
диво бы силенъ былъ, такъ нѣтъ, а какъ расходится,
десятерыхъ бывало уберетъ. Щеголь былъ. По празд-
никамъ, какъ новую рубаху надѣнетъ, цвѣтнымъ куша-
комъ подпояшется, штаны за голенище заткнетъ, сапо-
ги дегтемъ свѣжимъ вымажетъ — такъ, что за версту
свѣтятся, шапку на бокъ скосить, идетъ, похваляется
словно старостинъ сынъ. Глаза черные огневые, волосы
русые въ кружокъ подстрижены, борода не большая,
пушистая, просто одно слово молодецъ. Голосъ звонкой,
такой ровный; какъ пѣсню затянетъ, всѣхъ покроетъ, а
пѣсни пѣвать онъ былъ мастеръ. Слушаешь, слушаешь,
какъ онъ словно рѣченька разливается, даже зависть
возьметъ: „эко скажешь, Митюха, у тебя голосъ бога-
гатый!“ Ничего, Богъ не обидѣлъ, у тебя занимать не
пойду — да припѣвъ какойнибудь подхватить тутъ же,
ажъ тебя мурашки по кожѣ подерутъ. Плясать тоже
былъ мастеръ, въ хороводѣ такія колѣна выгибалъ, что
только плюнешь, да и отойдешь въ сторону. „Не сно-
сить тебѣ, головы, Митюха“ — говорили старики, а онъ
въ отвѣтъ таркнетъ, свиснетъ да и затянетъ.

Мнѣ ли молодцу удалому

Зиму зимскую жить за печкою?

Ну, словомъ бѣда былъ парень да и только! Всѣ дѣвки наши льнули къ нему точно къ меду. На посидѣлкахъ, бывало, ждуть не дождутся его, пѣсенъ не начинаютъ, смотрятъ: скоро ли Митюха будетъ? А онъ слабость ихнюю зналъ, подъ самый конецъ и придетъ, да и сидитъ бывало, словно ошпаренный: тѣ и такъ и эдакъ, нѣтъ, не добьются отъ него ни слова! Только глазами моргаетъ. А другой разъ разгуляется, да такой трезвонъ задастъ, что хоть вонъ бѣги, дымъ коромысломъ въ избѣ подыметъ, и съ этой-то заговорить, и тутъ приголубить, ни одной въ покоѣ не оставитъ, такъ и тѣшитъ себѣ до утра. Грѣхъ сказать — и на счетъ работы прилежный былъ, всякое дѣло у него въ рукахъ кипитъ, да работается.

Жилъ онъ посреди самой деревни съ бабкой, старухой, въ своей избѣ, что ему въ наслѣдство отъ отца осталась. И скотину держалъ, ничѣмъ его Богъ не обидѣлъ; даромъ что холостъ былъ, все у него на мѣстѣ, порядокъ такой, какой не у всякаго женатаго найдешь. Всѣмъ былъ парень хорошій, первый по деревнѣ.

Крала тоже у насъ была и старостина дочка Акулина, красивая, пригожая дѣвка. Много было охотниковъ породниться со старостою, да все напрасно. Акулина гордая такая была, что ей не одинъ по душѣ не приходился. Ужь на что Митюха — и тотъ отъ нее сторонился, да всегда шапку ломаль.

Соберутся, бывало, дѣвки на посидѣлки, да Митюху то и поджидаютъ; молчатъ себѣ и съ парнями-то мало занимаются. Спросить Акуля: „а что вы, дѣвки, не поете, словно мертвые сидите?“ Скажутъ ей дѣвки: погоди, вотъ Митюха придетъ! безъ него пѣсня не поется! — А она-то въ отвѣтъ: „сидить кого дожидаться: словно невѣсть кто, только что краснобай. Добро бы баринъ, а то такой-же мужикъ! Валяйте, дѣвки!“ И затынетъ что-нибудь. Дѣвки помнутся, помнутся, да къ ней и пристанутъ, и пошла писать! Взойдетъ Митюха, видитъ, что безъ него стряпня зачата, только скосится въ сторону: знаетъ, значить, кто всему дѣлу зачинщикъ, и пойдетъ ко вѣзмъ приставать: что видно меня подождать не хотѣли, или нашли кто лучше моего пѣсню спѣть умѣетъ? — А Акуля ему сейчасъ въ отвѣтъ: „вишь ты какой баринъ, дожидай тебя до полночи, думаешь и пѣсни безъ тебя пѣть не умѣютъ? Вотъ Ванюха (а Ванюха что ни на есть послѣдній парень у насъ былъ), такъ тотъ еще лучше тебя споетъ“, а самото смѣется, такъ какъ будто и взаправду говоритъ. Поморщится Митюха, да ужъ съ сердцемъ и отвѣтитъ: „спасибо-де, Акулина Тимофѣевна, за ласку на добромъ словѣ знать хуже Ванюхи не нашла съ кѣмъ меня и сравнять.“ Возьметъ шанку, и вонъ изъ избы, а она знай заливается, хохочетъ. — Ишь, скажетъ, пѣтухъ-мокрый крылья, все бы ему кланялись, да просили: боль-

но онъ завеличался, дѣвки!—А дѣвки ни гугу, зависть ихъ на Акулю беретъ, какъ она съ Митюхой расправляется.

Жили такъ они, словно недруги, и ужъ какъ она къ Митюхи приставала, такъ упаси Боже! Гдѣ ни увидить, тутъ его и задѣнетъ. „Что, спросить, ясный Бова-королевичъ, все ли въ твоёмъ царствѣ благополучно обстоитъ?“—Али какъ Митюха въ хороводъ станетъ, она и начнетъ: „что - де баринъ нашъ сегодня унылый такой, видно печаль приключилась?“ — Плюнетъ Митюха да и въ сторону.

Разъ вечеромъ идетъ Митюха по деревнѣ, а Акуля къ нему на встрѣчу: съ посидѣлокъ шла отъ бабушки Ѳеклы. Поклонился онъ ей, а она ему и скажи: „что не былъ у насъ, принцъ заморскій? мы съ дѣвками глаза всѣ проплакали, что тебя не видали!“—да и хотѣла пройти, а онъ къ ней: за что, говоритъ, вы меня, Акулина Тимофѣевна, всегда порочите да обижаете? —

Она знай только покатывается со смѣху: „вотъ, говоритъ, сиротой казанской прикинулся!“—Слушай, говоритъ Митюха, смѣйся ты, али не смѣйся, а быть тебѣ за мной!—А она только пуще залилась со смѣху. — Я, говоритъ онъ, что задумалъ, то ужъ непременно себѣ добуду, таковъ я человѣкъ, али ты мнѣ покоришься, али я пропаду со свѣту, а на своемъ поставлю!—

Такъ и разошлись. Смѣялась послѣ дѣвкамъ Акуля : „на Митюху, говоритъ, находить что-то начало, дѣвки!“

Апосля Петревокъ, знаешь, у насъ дѣвки въ лѣсъ по грибы ходять. Вотъ и пойди разъ Акулина тоже съ дѣвками; не пускаль отецъ ее, такъ у матери выпросилась, да и въ лѣсъ, а Митюха караулиль ужъ давно этотъ день.

Разбрелись дѣвки по лѣсу, которая куда, перекликаются межъ собой, чтобъ съ дороги не сбиться. Нашла Акуля гнѣздо боровиковъ, присѣла, молчитъ, да знай въ кузовъ накладываетъ. „Экое, думаетъ, счастье мнѣ привалило!“ А Митюха тутъ, какъ тутъ. — „Здравствуйте, говоритъ, Акулина Тимофѣевна!“

Дѣвка такъ и обомлѣла, слова вымолвить не можетъ, перепугалась ужъ очень. — Ну, говоритъ Митюха, сказываль я тебѣ, что будешь моей! — Обняль ее, да ну цѣловать: „люба моя, золотая моя,“ а самъ-отъ плачетъ да цѣлуетъ. Совсѣмъ парень въ безпамятство пришелъ.

Видитъ дѣвка, дѣло плохое: кричать, такъ пуще осерчаетъ, убьетъ совсѣмъ. „Дѣлай, что хочешь, говоритъ, Митюха — я и въ деревню не покажусь, тутъ и жизнь покончу.“

Отшатнулся парень и смотритъ на нее; а она вся, словно листъ, дрожить, перепугалась ужъ очень! Постояль, постояль онъ, да и говоритъ:

„Ну, Акуля, ступай съ Богомъ! дай те Господь вся каго счастья, а я не жилецъ въ этомъ свѣтѣ.“ Снял шапку, поклонился ей да и пошелъ себѣ.

А она его кличетъ: „Митя, а Митя!“ — Остановился. — „Что, говорить, съ тобой?“ — Одолѣла ты меня, Акуля, говорить онъ ей — намъ вдвоемъ нельзя жить: пойду, куда глаза глядятъ, либо въ болото, либо въ рѣку уйду — да и пошелъ опять.

Она, какъ услышала это, затряслась вся, вскинулась, да прямо къ нему: „голубчикъ ты мой, родной мой, Митинька, кричитъ: прости меня, я и сама-то тебя больше жизни любила, да вотъ съ сердцемъ совладать не могла“ и пошла, и пошла.... Такъ они часа два тутъ толковали, ажъ за вечерѣло совсѣмъ, какъ Акуля въ деревню вернулась.

Мать бранить собиралась, да какъ увидѣла ее блѣдную, да разстроенную, такъ куда и брань дѣвалась; уложила ее поскорѣй, и цѣлую ночь потомъ сама не спала, думала — заболѣетъ дѣвка. А Акуля ничего; утромъ встала такая веселая, что чудо просто! Мать-то тутъ и начала спрашивать: „что, говорить, съ тобой Акуля вчера такое случилось?“ — Ничего, говорить, съ дороги сбилась, такъ запугалась очень.

Стали замѣчать на деревнѣ, что невесела что-то Акуля, да и Митюха тоже. Пошли, знаешь, толки да переговоры. Одинъ говорить, что Акуля съ Митюхой на

озерѣ видали, какъ они вдвоемъ катались по вечеру; другой другое. Однако все это говорили про себя въ тихомолку, боялись они старосту прогнѣвать.

Узналъ онъ однако про всѣ толки стороной, отъ соедняго дьячка. Пришелъ опосля въ кабакъ, сердитый такой, да только завидѣлъ Митюха, такъ и зоветъ къ себѣ. „Ты что это задумалъ — говорить онъ — а говори же всю правду?“ — А парень-то былъ бойкій, не спугнешь его этимъ. — Что вамъ, говорить, дядинька, завидно что ль стало? — Погрозился староста: „смотри, говорить, ты у меня, разбойникъ, больно высоко идти задумалъ, попадися мнѣ — въ солдаты отдамъ!“

А Митюха знай себѣ ухомъ не ведетъ. Пыталась мать Акулю бранить. Заперлась дѣвка: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!“

Я и самъ-то неразъ видалъ ихъ вдвоемъ, да дивился. Разъ, ужъ послѣ будетъ зимняго Никола, иду я себѣ задами; только подошелъ къ Митюхиной избѣ, смотрю: стоять Акуля съ Митюхой да разговариваютъ. Любопытно стало, пріостановился и слушаю; а она-то къ нему пристаеть: „приходи, говорить, желанный безпремѣнно; тебя ждать буду.“ Обняла его да цѣлуетъ; а онъ только ухмыляется: „что, говорить, Акуля, говорилъ я тебѣ, что моей будешь; правду или нѣтъ?“

А она ему и говорить: околдовалъ ты меня видно, теперь сплю и вижу тебя, мой голубчикъ. Ужъ

такъ, говоритъ она, любовь ты мнѣ, что и сказать не умѣю.“

— А пойдешь за меня?

Она пригорюнилась. — “Отецъ, говоритъ, не хочетъ„.

— Не хочетъ, развѣ я хуже другихъ?

— „За Сидорку онъ меня прочить“. (А Сидорка конторщикъ нашъ былъ).

— За Сидорку? Да я ему на тебя и смотрѣть-то завяжу!

— „Отецъ приневоливаетъ, мать плачется“.

А Димитрій опять: „любовь я тебѣ, говоритъ, Акуль, скажи по правдѣ?“

— Жизни ты мнѣ, Митя, дороже; да что тутъ сдѣлаешь?

Призадумался онъ да и молвилъ: „попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Ступай Акуля, помолись хорошенько; завтра утромъ къ отцу пойду: можетъ и отдастъ за меня.“

— Не отдастъ онъ, Митя.

— „А не отдастъ, такъ и самъ возьму, а за Сидоркой тебѣ не бывать!“

Пошла она отъ него такая задумчивая, а онъ принялся заборъ починять. — Я вышелъ изъ-за угла, поздоровкался: здравствуй, говорю, Митрій, что хорошаго? Жениться, говорятъ, собираешься?

— “Мало ли что бабы болтають!”

— Чего болтають, всѣ сосѣди говорятъ про это!

— “Ну и пускай говорятъ; а я женюсь, когда захочу.”

— Полно, Митрій, вотъ бы ты Акулину засваталъ, славная бы жена была!

— “Словно на деревнѣ только и есть, что старости-на дочь. Да для нее и безъ насъ женихи найдутся?”

— Чего такъ?

— “Да такъ!”

— Полно, — говорю я ему, а самъ вижу, что парень самъ не свой — можетъ Тимофей Ермолаичъ за тебя ее и прочить?

— “Тимофей меня не пожелаетъ; онъ въ бары лѣзетъ, а я что? простой мужикъ, безъ роду, безъ племени.”

— Да и ты парень-то хоть куда, первый у насъ.

— „Что первый-то я у васъ, это я самъ знаю, говорить, да Тимофей дочки все-таки не отдастъ: неча пустое залаживать, да толковать понапрасну!”

Стукнулъ топоромъ, такъ что щепки полетѣли, да и замолчалъ. Пошелъ я домой, женѣ и разказалъ все: очень ужъ мы вдвоемъ парня жалѣли, что такъ убивается.

Однако утромъ сдержалъ Митюха слово: катить къ старостѣ на дворъ, а староста сани запрягаетъ въ контору ѣхать.

— Здравствуйте, говорить, Тимофей Ермолаичь!

— „Здравствуй, братъ — отвѣчалъ староста, а самъ насупился, взглянуть страшно — чего, говорить, тебѣ надо?“

— Къ вамъ пришолъ, Тимофей Ермолаичь, дѣло есть.

— „Дѣло?“ — говоритъ Ермолаичь да и смотреть на него, словно съѣсть хочетъ.

— Да, дѣло и большое — отвѣчаетъ Митюха, а самъ кланяется — Отдай, Тимофей Ермолаичь, за меня дочку-то; полюбились мы крѣпко промежь себя!

Услыхалъ староста, позеленѣлъ весь.

— „Что! — спрашиваетъ грозно — съ чего ты это задумалъ?“

— Да съ чего задумалъ! полюбилась — вотъ те и сказъ!

— „А видишь ли это?“ — говоритъ староста, а самъ кнутовищемъ на ворота показываетъ.

— Вижу — говоритъ Митюха.

— „Такъ ступай себѣ, да чтобъ ты и дороги къ моему дому не зналъ, голь кабацкая!“

Поблѣднѣлъ Митюха: „ты, говорить, отказать воленъ, а ругать меня не моги.“

Затопалъ ногами староста, да и лѣзетъ прямо къ парню.

— „Щенокъ ты эдакой, да я изъ тебя мочалы на-

щиплю, да я тебя въ каторгу вгону, въ солдаты упрячу!...”

Отсторонился Митюха: „не балуй, говорить, Тимофей Ермолаичъ, не давай воли рукамъ, смотри ушибу.“

А тотъ-то разсвирѣпѣлъ еще пуще, да такъ на драку и лѣзеть.

— „Эй — говоритъ — дядя, смотри, оставь, не бранись, отступи съ честью; я-те худого ничего не сдѣлалъ, не опорочилъ ни чѣмъ; что лаешься, старый шутъ?“

Какъ это услыхалъ староста, да Митюху-то за бороду и цапъ-царапъ.

Заревѣлъ парень благимъ матомъ, погнулъ Тимофея, да тутъ бы кажись и смерти его предаль, еслибъ не подвернулась Акуля.

„Оставь — кричитъ она Митрію — оставь, слышь — прости!“

Какъ услыхалъ онъ ея голось, у него и руки опустились. Оставилъ старосту, повернулся да и пошелъ со двора долой; а Тимофей видитъ, что бѣда прошла, поднялся, да у воротъ его раза три кнутовищемъ по загорбку и съѣздилъ. Митюха не оборотился даже, а потомъ пришелъ въ свою избу, какъ ни въ чемъ не бывало, только сумрачный такой, словно осень.

Взяла съ тѣхъ поръ злость Тимофея. Началь допекать парня; что на работу, то въ городъ, куда ни на есть хуже, туда посылаетъ. Молчитъ Митюха, работаетъ

за троихъ, съ старостой ни слова, наровить больше не встрѣчаться съ нимъ.

А послѣ прослышали въ деревнѣ: сосватана Акуля за Сидорку. Пристали парни къ Митюхъ: прозѣваль, братъ, невѣсту-то? Тотъ ничего, ухмыляется себѣ да и только. Встрѣтилъ разъ Сидорку, спрашиваетъ: „ты, говоритъ, я слышалъ, Сидоръ Петровичъ, жениться хочешь?“

Тотъ ему: а тебѣ что за дѣло?

— „Ничего, говоритъ, а я бы тебѣ совѣтоваль по добру; коли на Акулѣ, такъ эти шутки остановить.“

— А для чего такъ, примѣромъ?

— „А за тѣмъ, что этому дѣлу не бывать?“

— Ой-ли?

— „Заподлинно такъ!“

— Не ты-ли не позволишь?

— „А, пожалуй, что и я. Бываль ты, спрашиваетъ, Сидоръ Петровичъ, въ медвѣжьемъ ученьи?“

— Нѣтъ, поворить.

— „Такъ коли жениться на Акулѣ захочешь, такъ не миновать тебѣ этого.“

— Да на тебя, разбойника, и управа найдется!

— „Пока, говоритъ Митюха, управа придетъ, до тѣхъ поръ я тебѣ лихо обработаю: такъ удружу, что и жаловаться забудешь!“

Разошлись они. Побѣжалъ Сидорка къ старостѣ: такъ и такъ, говоритъ, Тимофѣй Ермолаичъ, спровадь куда

нибудь Митюху, а то жениться на твоей дочкѣ опасливо, убьетъ собачій сынъ! — Призвалъ староста Митюху.

— „Ты, говорить, что? Разбойничать задумаль, а?“

— Молчить.

— „Да отвѣчай же!“ кричить староста.

Опять молчить.

— „Хорошо — говорить Ермолаичъ — я съ тобой сдѣлаюсь, погоди, ступай теперь себѣ; завтра тебя міромъ разсудимъ!“

Пошелъ Митюха; попадается ему Акулька. —

— „Прощай — говорить Митюха — сегодня къ управителю пойду, поклонюсь ему въ ноги; можетъ смилуется, а тамъ посмотримъ, только отцу ничего не говори, смотри.“

На утро слышимъ: пропаль Митюха, нѣтъ да нѣтъ! Собрался міръ и порѣшили старики: чтобы наказать парня хорошенько, какъ вернется.

Недѣля проходитъ, проходитъ другая, нѣтъ Митюхи, и слѣдъ простылъ. Бабка плачетъ убивается, а придумать не можетъ, куда это парень дѣвался.

Дѣло идетъ межъ тѣмъ своимъ чередомъ. Святая пришла. Акулину свадьбу на Оминой назначили. Все слажено, а Митюхи нѣтъ какъ нѣтъ. Прислалъ управляющій сказать, что былъ у него Митюха, жениться просиль, да онъ ему отказаль, а больше ничего не знаетъ. Наканунѣ самой свадьбы, во вторникъ на Оминой назначенъ былъ у Акули дѣвишникъ. Собрались

дѣвки, поютъ да пируютъ. Вышла въ сѣни Акуля: понадобилось принести ей что-то въ избу. Смотритъ, на дворѣ стоитъ Митюха, притаился, да ее стихимъ голосомъ и вызываетъ.

Подошла. „Гдѣ, говоритъ, ты пропадалъ?“

— Въ бѣгахъ былъ.

— „А завтра меня повѣнчать хотятъ, отецъ больно старается.“

— Не бывать этому, Акуля, коли я люблю тебѣ.

— „Нѣтъ, говоритъ, Митя, ничего ты не сдѣлаешь; отецъ тебя слышать не хочетъ; мѣръ на сходкѣ наказать тебя положилъ.“

Смотритъ онъ на нее. „Все ли?“ спрашиваетъ.

— „Все, говоритъ: не бывать мнѣ за тобой, Митя.“

— Ой-ли?

— „Видно ужъ такъ: знать судьба моя такая горькая!“

— Хочешь, говоритъ, увезу я тебя?

— „Что ты, голубчикъ, что ты задумалъ, какъ же безъ отцевскаго благословенья?“

— Ничего, говоритъ, коли ты меня любишь.

— „Люблю. Да какъ же такъ? Богъ счастья намъ не дастъ, поць не повѣнчаетъ.“

— „Богъ-то счастья дастъ, за то что не за дѣло, а съ дуру отецъ тебя за меня не отдастъ, а поца прищемъ; коли нашъ не захочетъ, такъ изъ сосѣдняго села повѣнчаетъ!“

Призадумалась. „Страшное дѣло ты затѣяль, Митя, говорить. А гдѣ мы жить будемъ?“

— Гдѣнибудь, отвѣчаетъ онъ, мѣсто найдемъ, не кручинься: жилъ же я до сей поры гдѣнибудь! Не по лѣсу шатался...

Дрожитъ дѣвка. Бойтся. „Да когда, говорить, успеешь-то? Завтра утромъ вѣнчать будутъ.“

— Ничего, говорить, это наше дѣло.

Стоить, молчить. Что жь, Акуля? Забыла видно меня! Не любовь я сталъ? Сидорка прельстиль?

Молчить она, только всхлипываетъ; значить — плачетъ.

— „Дай, говорить, подумаю, а ты, Митя, свое дѣло дѣлай!“

Пошла въ избу. Руки трясутся; ноги дрожать. Бойтся, чтобъ кто Митюху не увидаль. Свѣта божьяго не видать, пѣсенъ не слышитъ: и страшно-то ей и любо!...

А Митюха пошелъ на дорогу и ждетъ. Идетъ Сидорка на дѣвишникъ, веселый такой, подъ хмѣлькомъ немного, со сватомъ и промежь себя толкуютъ. Глядь Митюха тутъ какъ тутъ, на дубиночку опирается, шапку снялъ.

— Здравствуй, Сидоръ Петровичъ! Что скаково, говорить, поживаешь? Какъ Богъ милуетъ?

— „Пропусти“, кричитъ Сидорка, да свата-то впередъ ти подталкиваетъ.

— Ты, отвѣчаетъ Митюха, свата-то мнѣ не толкай, а подойди-ка самъ! Помнишь, что я тебѣ о медвѣжьемъ-то ученѣи толковалъ? Вотъ теперь и моя очередь пришла тебя поучить.

Взвыль Сидорка благимъ матомъ, а Митюха на него налегъ да и пошелъ тормозить. Сдѣпились они словно друзья закадычные, такъ по землѣ и валяются. Сидорка ужъ храпѣть начинаетъ; задушилъ его Митюха совсѣмъ.

Свату увидалъ: дѣло плохо, бѣжить по деревнѣ; караулъ кричить, всю деревню на ноги поднялъ; кто какъ былъ, всѣ выбѣжали за околицу. Смотрять: Сидорка въ канавѣ безъ языка лежитъ, а Митюха по полю во всѣ лопатки зазваниваетъ. Вереты три гнались, бѣжить Митюха, на одну ногу припадаетъ немного: зашибся, значить; а поле ровное такое, скрыться некуда. Бѣжалъ, бѣжалъ, да видно не въ мочь стало, остановился. Молодцы набѣжали, окружили, однако подойти боятся. Одинъ изловчился, въ загорбокъ его хватилъ; шаль Митюха. Связали его по рукамъ и по ногамъ, потащили въ деревню.

Утромъ мѣръ собрался. Привели Митюху.

— „Гдѣ бѣгалъ, говори?“ спрашиваетъ староста.

— „Гдѣ былъ, тамъ меня нѣтъ!“ отвѣчаетъ Митюха.

Дѣлай, что хошь, соимной, хоть въ желѣзо куй, твое дѣло.

— „Присудили тебя старики — говоритъ староста —“

міромъ наказать; а за Сидорку другая расплата. Обудеть“.

— Для-че?— спрашиваетъ Митюха— всебы за одно; а наказать-то я себя не позволю; пушай лучше въ солдаты отдадутъ.

— „Въ солдатахъ тебѣ быть, этого не миновать!..— кричитъ староста — а теперь, вали его, ребята!“

Бросились парни, насилу двѣнадцать молодцевъ Митюху осилили; многихъ до крови побилъ; однако осилили, да отжарили порядкомъ, еле подняться могъ.

— „Ну, теперь — говоритъ староста — прохладиться тебѣ, зятекъ, денька два дадутъ, а тамъ поѣзжай къ управителю, — его воля надъ тобою“.

Связали Митюху, повели въ сторожку, сторожей приставили.

День проходитъ; сидитъ Митюха, мисхудаль. Всловно недѣль пять въ горячкѣ лежалъ; приходили его провѣдать, молчить. Ни слова ни съ кѣмъ не говорить, свою думу думаетъ.

Ночь не спитъ. Акуля въ избѣ. Жалко ей Митюху, да и рада-то она, что свадьба отсрочена съ Сидоркой. Слышитъ около полуночи кто-то легонько въ дверь постукиваетъ. Затряслась она вся, сердце чуетъ: Митюха! Встала, вышла въ сѣни, а конь тутъ и стоитъ блѣдный такой.

— Что ты, спрашиваетъ, Митя, али выпустили?

Онъ-то на нее смотритъ, да такъ жалостливо, что и сказать нельзя.

— „Господь, говоритъ, а съ тобой, Митя: иди домой, завтра около вечера выйду къ тебѣ, тамъ и порѣшимъ“.

— Не надо, говоритъ, да эдакъ глухо какъ-то.

Испугалась дѣвка. — „Чего не надо?“ И въ толкъ-то себѣ прибрать не можетъ, о чемъ онъ ей говорить.

— Не надо, не приходи!

— „Что ты, Митя? Аль разлюбилъ меня, что-ли? Али съ тобой что приключилось?“

— Сказаль: не надо — говоритъ онъ, а голосъ у самого дрожить — не бывать тебѣ замной, не то теперь...

— „Да что съ тобой? Вспомни, что прежде говорилъ. Я объ этомъ все думала“.

— Не бывать теперь этому, говоритъ, не женихъ я тебѣ теперь, тебѣ не такого жениха надо, какъ я сѣченый.

— „Полно, Митя! Что ты, желанный, на себя напустилъ?“

— Нѣтъ, говоритъ, что не говори, а я все жен сѣченый.

— „Да что ты затвердилъ одно: сѣченый, да сѣченый; вотъ и тятку въ прошломъ году управителю себя наказываль.“

— То тятка, то я — отвѣчаетъ Дмитрій — это дѣло разное, а мнѣ на тебя съ этихъ поръ и взглянуть-то совѣстно будетъ; супротивъ твоихъ словъ, слова не найти — сѣченый я и все тутъ.

Обнялъ онъ ее, цѣлуетъ, значить, прощается. Дѣвка чуть не навзрыдь плачетъ. Попрощался онъ съ ней; спалъ у ней съ шеи платокъ. Митя положилъ его за пазуху да и идетъ.

— „Да куда же?“ — спрашиваетъ Акулина, удерживая его.

Высвободился Митя и говоритъ: „знаешь куда нашему брату, сѣченому, дорога — въ лѣсъ“ — и пошелъ себѣ со двора.

Встали по утру. Слышимъ, убѣжалъ Митюха. Ждать, пождать — нѣтъ, какъ въ воду упалъ. Выздоровѣлъ Сидорка, женился на Акулѣ; только не на радость взялъ онъ ее, чахла, чахла она, да году не дотянула — умерла. Вотъ тамъ на погостѣ и схоронили, около церкви.

Объ Митюхѣ тоже по сію пору ничего не слышно. Говорили на дняхъ наши, что на базарѣ его видали, какъ „несчастненькихъ“ вели, да говорятъ не признали хорошенько, доподлинно ли былъ Митюха. Такъ и сгибъ-пропалъ парень.

3. Плотничья артель.

I.

Однажды я сидѣлъ въ кабинетѣ. (Кабинетъ, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегалъ къ лакейской). Слышу: кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи моего старосты Семена, вошелъ мужикъ небольшого роста, отчасти съ татарскимъ окладомъ лица; глаза угловатые, лицо карявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ, но мужикъ франтоватый: голова расчесанная, намазванная, въ сумленной поддевкѣ на распашку, въ пестрядинной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень; въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго; потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣвъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это не понравилось.

— Что это за глупость? сказала я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.
— „Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдуетъ: когда выходитъ господинъ, значить, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство“ — проговорилъ онъ съ умиленной фізіономіей.

— Да кто ты такой? Что за человекъ?

„Пузичъ, ваше привосходительство.“

— Что такое Пузичъ?

„Фамилія такая у меня, значить, ваше привосходительство, и такъ какъ таперича наслышень я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежели таперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...“

— Плотникъ это-сь, что этта говорили — ригу сработать — объяснилъ Семень.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужь очень говоришь ты, братецъ — сказалъ я.

Пузичъ принялъ это за похвалу.

— „Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежели таперича дѣла имѣемъ съ господами хорошими, значить, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.“

— Конечно; только такъ ли хорошо строишь, какъ говоришь?

— „Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлевича спросить, здѣсь на знати; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ; я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должонъ сказать: колесо мое большое, ваше привосхо-

дительство; должёнъ благодарить Владычицу нашу, Сън-новскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть — все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.“

Семень усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? — замѣтилъ я.

— „Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ предъ Богомъ, такъ и передъ вами говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ? — дуракъ, такъ сказать, больше ничего!“ возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то-что.... вмѣшался Семень.

— „Извѣстно, слово твое настоящее, Семень Яковлевичъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло“ — отвѣчалъ не конфузясь Пузичъ.

Мнѣ онъ окончательно становился непріятенъ.

— Братъ ли намъ его? спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка — глушь!..

— „Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость!“ подхватилъ Пузичъ.

— Что жь ты возьмешь? спросилъ я.

— „Цѣна моя, ваше привосходительство, будетъ деревенская, не то что съ запросомъ какимъ нибудь, али тамъ прочее-другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе значить хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ выходитъ двѣсти рублейъ серебромъ.“

При этомъ Семень мой даже понятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговаль что-ли? спросиль онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— „Меньше одной копѣйки, Семень Яковлевичъ, взять не могу“, отвѣчалъ тотъ.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя, сто — сказалъ я, думая, что снесъ сколько возможно много. По лицу Пузича промелькнулъ какой-то отгѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто — много, помилуйте! семидесяти рублей съ него за глаза будетъ, произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— „Не то, чтобъ объ семидесяти, а и объ ста рубльяхъ, Семень Яковлевичъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малой ребенокъ не возьметъ! сказалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.“

— Полно врать, Пузичъ! полно! Что языкъ понапрасну треплешь! возразиль Семень, начиная выходить изъ терпѣнья.

— Може вы сами языкъ понапрасну треплете, Семень Яковлевичъ, здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значить, понимаемъ съ кѣмъ и передъ кѣмъ говоримъ.“

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ — хорошо, а нѣтъ, такъ можешь убираться, сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— „Позвольте, ваше привосходительство, началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу, такъ какъ теперича я очень желаю, чтобъ знакомство промежь насъ было; значить, полтора ста серебромъ вы изволите положить, и то въ убытокъ — вѣрите Богу.“

— Больше ста не дамъ.

— „Ваше высокородіе, продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу, кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значить, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть конѣику противъ меня уваженья сдѣлаетъ.“

— Ломается еще туда же, дура-голова! проговорилъ Семень.

— „Ломаться мы не ломаемся, Семень Яковличъ, ужъ это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значить, дѣло выходить не подходящее.“

— Не подходящее? повторилъ Семень сердито. Мало

тебѣ, жиду, ста рублей. Двадцать пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ будто не слыхалъ этого замѣчанья и обратился ко мнѣ:

— „Накинъте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-Богу, безобидно будетъ.“

Я молчалъ.

— „Это что говорить, продолжалъ Пузичъ, срабатать можно всяко; только я худаго слова, значить, заслужить не хочу, а желяю такъ, чтобъ меня и напредки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ— осмѣлюсь такъ, по своей глупости, сказать— стражающій, въ настоящемъ видѣ значить... Когда у него эта стройка дому была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенья доложить вашему превосходительству, бѣгомъ сбѣжали отъ него; и теперича когда онъ сталъ требовать меня: „чтожъ, думаю, буди воля царя небеснаго!“ а я готовъ завсегда служить господамъ, ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу: первые двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ статья, кровянилъ меня; но я, по своему чувству, ваше привосходительство, не то, что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе: значить, насъ, дураковъ, уму-разуму учать; когда теперича мужикъ

надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.“

— Подлый какой! подумаль я и молчалъ.

— „Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, генераль сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублей серебромъ лишнихъ. „На, говорить, тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значить, угодиль.“ И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала миллионнаго; значить, могу служить господамъ.“

Я все молчалъ. Выждалъ Пузичъ немного и снова заговориль:

— „А на счетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и поживать — больше того ничего сказать не могу.“

— Не дамъ больше ста, сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— „Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять не сообразно“ — проговориль онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупиль, вздохнувъ — прощенья, значить, просимъ“, и сталъ молиться, и молился опять долго. „Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ“ — пробунчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! возразилъ Семень.

Пузичъ ничего на это не сказала и повторилъ еще разъ:

— „Прощенья просимъ, ваше высокородіе“, и пошелъ; Семень за нимъ. Я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по двору и что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они опять воротились.

— Сто беретъ, сказалъ Семень.
— „Хоча три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте; по крайности я на артель ведро вина куплю“ — присовокупилъ Пузичъ съ подло-просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копейки не прибавлю — возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— „Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить — не знаемъ, началъ онъ: господа, выходятъ, пошли скупые, работы дешевыя... задачку, ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать“ — прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— „Сколько-жъ тебѣ?“

— „Двадцать пять рубликовъ серебромъ“ — отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужъ не своимъ голосомъ.

Видимо, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей,

которые о деньгахъ покойно не могутъ даже говорить. Я подаль ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? Не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! — сказалъ онъ Пузичу.

— „Ахъ, Семень Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходить, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь“ — проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, отвѣчалъ Семень. Теперь, вотъ ты у насъ работу берешь, а я тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ опосля чего не вышло: ты тамъ какъ знаешь, а чтобъ на нашей работѣ Петруха былъ безпремѣнно.

Пузичъ насмѣшливо улыбнулся.

— „Петруха? повторилъ онъ съ усмѣшкою и обратился ко мнѣ. Когда я, ваше превосходительство, самъ на работѣ — что же значить Петруха? какое онъ званіе можетъ имѣть, когда самъ подрядчикъ тутъ, извините вы меня, Семень Яковличъ!“

— Изъ нашихъ, вѣдь, мужицкихъ извиненій не шубу шить, это что! возразилъ Семень. — Не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ — знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— „Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удо-

вольствіе, Семень Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая“.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужъ съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто такой? спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; до всей артели паренъ надежный — отвѣчалъ онъ.

— „Кто про это говоритъ! Мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значить. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человекъ, значить, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованье кладемъ ему сполна“ — проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, что было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ поддерживалъ ее только по своимъ торговымъ расчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинника въ придачу ему на чай. Въ полтинникъ мнѣ ужъ совѣстно было отказать — я ему далъ, но Семень и противъ этого возразилъ:

— Ну, паря, славная же ты выжима! — проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

II.

Пузичъ пришелъ работать самъ-четверть: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глуповатымъ на лицо; съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ легкимъ теноромъ и все въ складъ. Уставщикъ Петруха былъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ на работѣ оказался совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, но бранилъ только одного Матюху, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранить подрядчикъ? — спросилъ я его.

„Завседды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завседды все лается“ — отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ; но передъ Петрухой — другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особенное наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ его въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ это сбросили, а тащили другое.

— „Что! аль неладно?“ спрашиваетъ при этомъ

Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ и даже не удостоивалъ его отвѣтомъ; молча размѣчалъ и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на набревнѣ около Сергѣича; на долю его выпало тесать полъ и онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить, заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка — отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ — да! Хоть бы и мое дѣло, не молодой бы молодежь, а на седьмой десятокъ валить... Пора бы не бревна катать, а только драть, да на печи лежать — да!

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь?

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ молоду, государь мой милостивый, такая ужь моя рѣчь; и дѣт и языкъ-то набилъ на то — не помню; съ хороводовъ да съ пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой быль?

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я быль, може, изъ дружекъ дружка, а не то,

что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля богатые мужики ссыгали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, и поисту арублевъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка — да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складѣ говорю, а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколець подь дугой, али гусли многострунныя!

— Какъ же оу васъ начинаются, на примѣръ, эти стоворы? Съ чего?

— „Стоворы, государь мой милостивый — отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ — начинаются, ежели дружка дѣломъ править по порядку: какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говорить: „у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ; товаръ вашъ покажите, а купца нашего посмотрите...“ Тутъ сейчасъ съ тихиной, съ невѣстиной стороны, свашка, по нашему, немытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, отвѣстимо, тупятся, а имъ говорить, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да! Теперича невѣста, значить, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чествуетъ хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: „товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ расступился, пожалуйте шубу на столь, да станемъ а Богу молиться, а да по рукамъ бить-

ся“ — да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ дураковъ-мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значить, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, приѣзжай, значить, запасенный...

„Тоже въ самую свадьбу, другъ сердечный, приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье; дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочить съ саней и побѣжить къ невѣстиной избѣ поды окошко съ такимъ приговоромъ: „стоятъ наши добрые кони въ чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ частыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, свать и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?“ Изъ избы имъ откликаются: „милости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ...“

— А нынче ты ужь не дружничаешь?
— Нѣтъ, государь мой милостивый, давно ужь отсталь; что-то съ рожи-то цвѣтенъ да румянь, а глаза больно плохи. Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажиный годъ раза три со слѣпа-то обрубисья, а ужь гдѣ дружничать: тутъ надо глаза быстрые, ноги пряткія!

— Ты семейный, али одинъ?

— „Какое, другъ сердечный, одинокой! Родомъ-то видно не изъ кустовой ржи. Было въ избѣ всякаго колосья — и мужиковъ и дѣвья: пятерыхъ дочекъ однѣхъ возвелъ, да чужой человѣкъ пеня копать увелъ, въ замужества, значить, роздалъ — да! Двухъ было сыновьевъ возростилъ, да и тѣмъ что-то мало себѣ угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ наказываетъ.“

— А сыновья гдѣ-жь у тебя?

— „Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей Божіею, на Низу холеркой померъ, а другаго больно ужъ любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши тоды будутъ отъ него подмоги, а выходитъ видно такъ, чтои человѣкъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже растетъ, чѣмъ на чужихъ булкахъ — да!“

— Спился, что ли?

— „Я ужъ и сказать тебѣ не знаю какъ, въ юную сторону онъ дуракъ; не долго бы, кажись, шилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали его, гдѣ грѣху-то быть, съ мирскими деньгами въ городъ; уѣхать-то уѣхалъ въ поддевки, а отшель привели на веревкѣ — да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулы тамъ: добрые люди, спасибо, подсобили — да! Онъ-то благоваль, а батька въ отвѣтъ по-

паль: мірскіе рублики, батюшка, не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али-бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье сдалъ — да! Не стерпѣлъ я этого: видѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ худы ли, добры — все сладки. Дѣлать неча, пошелъ къ Пузичу, сталъ ему въ ноги кланяться...“

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ простую отдасть?

— „Нешто, нешто, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати отъ отвѣчалъ старикъ, вздохнувши — изстара еще у нихъ въ роду это заведенье идетъ; дѣды его еще этимъ промыслили.“

— Помилуй! самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка!

отъ Сергѣичъ усмѣхнулся.

„Да, то-то и вотъ, что-что разумомъ мелокъ, а да сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣ насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжить, а рубль сорвать наровить; мало Бога знаетъ, нече похвалить, татарскій родъ проклятый, что-что крещеный! Хоша бы и мое дѣло: мѣтъ въ временемъ слова не сказалъ — даль, а только жъ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ не старъ, а все въ эту пору рубль серебромъ стою, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ.“

— Ну, а прочие какъ же живутъ у него? спросилъ я.

— „А что, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: всяк артель у насъ на одномъ порядкѣ, отъ чаль старикъ тихо. Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хотѣ бы этотъ Митюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить.“

— Неужели жъ онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю?

— „Али больше!... Землицы, значить, у Матюхи не было, а хлѣбцомъ-то и бились... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ это одолженіе: давалъ на пропитаніе, а теперь и рассчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ калача не уболить съисъ; лапотою новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ — да! Каковы наши богатые-то мужики, а нашъ-то вузь, пожалуй, изъ-овсѣхъ хватъ, чорту братъ.“

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ, вѣрно, на особому Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— „А какое, государь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублевъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, а вузь это до кого не доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творить.“

В — Отчего жь Пузичь труситъ его, кажется?

— „Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему чело-
вѣкъ: что онъ безъ него? — какъ безъ рукъ, самъ видишь!
А еще и то.... послѣ болѣсти, что ли, съ нимъ это сдѣла-
лось, сердцемъ-то Петруха неугожь, гнѣвенъ, значить. Тепе-
рича, что маленько Пузичь сдѣлаеть не по намъ, онъ сей-
часъ ему и влѣпнеть: „ты, баеть, меня въ грѣхъ не вводи;
у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу приискано..“

— Неужели же онъ это вправду говоритъ?

Сергѣичь засмѣялся.

— „Нѣтъ, сударь, какое, кажись, вправду: мужикъ
богобоязливый, и сдѣлаеть ли такое дѣло! Сердце только
срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичь тоже плутовать, а
вѣдь заячьяго разуму челоуѣкъ: на оружье глядитъ, а
отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не преко-
словствуетъ ему много.“

Въ это время подошелъ Пузичь и мы должны были
кончить свой разговоръ.

Ш.

Когда срубы были кончены, Пузичь, къ большому
моему удовольствію, отправился на другую какую-то ра-
боту. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ:

— „Винца-то ребятамъ общали; прикажите, хоть
штофикъ имъ выставить и будетъ съ нихъ!“

— Хорошо; что-жь ты мнѣ давно не напомнишь? Я было и забылъ.

— „Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталь бы мочить.“ — отвѣчалъ Семень, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Когда-жь имъ дать?

— „Да вотъ хошь ужò вечеромъ, какъ отшабашать.“

— Хорошо.

Вечеромъ, въ сопровожденіи Семена съ штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, я вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣрно ужь предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. Сергѣичъ и Матюшка привстали было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, выпейте — сказалъ я, садясь около нихъ тоже на бревно.

Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— „Благодарствуй, государь нашъ милостивый“ — проговорилъ Сергѣичъ.

Я велѣлъ подать первому Петру. Онъ выпилъ, откашлялся опять и проговорилъ:

— „Вотъ кабы этимъ лекарствомъ почаще во рту полоскать, словно здоровѣе былъ бы.“

— Будто? спросилъ я.

— „Право, славно бы такъ. Мужуку вино, что мельницѣ деготь: смазаль и ходчей на ходу пошелъ“ — отвѣчалъ Петръ.

— Вино сердце веселить, вино разумъ творить.

присовокупили Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

Матюшка, выпивъ, сталъ только облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли. Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба, Сергѣичъ взялъ ломоть, аккуратно посолил его и началъ жевать оставшимися зубами. Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два приема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты и не закусываешь? — сказалъ я ему.

— Нѣтъ, не закусываю. Мы, вѣдь, не чайники, а водочники: пососалъ языкъ — и баста! — отвѣчалъ онъ и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ. — Ты, баринъ, батьку еще твоего зналъ: старикъ былъ важный.

— Важный? —
— Важный; лучше тебя.

— Чѣмъ же лучше?

— Да словно бы умнѣй тебя былъ, — отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему жъ онъ умнѣй меня былъ?

— А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужъ онъ бы, братъ, Пузичу за немшонья стѣны не далъ ста серебромъ — шалишь! Денегъ, видно, у тебя благихъ много.

— То-то и есть, что не много, а мало — ска-
заль я.

„И денегъ-то мало. Ну, братъ, видно ты за правду не больно уменъ“ — подхватилъ Петръ. Выпитый стаканъ водки очень подѣйствовалъ на его разговорчивость. Матюшка при этомъ взасмѣялся. Сергѣичъ покачалъ головой.

— „Ты по городамъ, вѣдь, больше финтиль — продолжалъ Петръ — и батъкинымъ денежкамъ, чай, глаза протеръ. Какъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу и тебѣ, и прикащику твоему Семену Яковлевичу. Что, черномазое рыло, водки-то не подносишь? али не любо, что противъ шерсти глажу?“ — обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мелево ты, Петруха! — но совсѣмъ не тѣмъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— „То-то мелево. Свернули вы, ребята, съ бариномъ домою, нечего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать заимствоваться? въ Раменье... А нынче, посмотришь, кто въ Карцовѣ хлѣбъ покупаетъ? все раменскій Семень Яковличъ.“

— Божья воля; колькой годъ все неурожаи, да червь побиваетъ — замѣтилъ Семень; но Петръ какъ бы не слыхалъ этого и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— „Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь, еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики начнутъ собираться. „Куда, ребята?“ спросишь. — „На задѣлье.“

— Да что рано? — „Лучше завремя, а то баринъ забранится...“ А нынче, голова, въ понедѣльникъ, послѣ завтрака, только еще запрягать стануть. „Что, плуты, поздно ѣдете?“ — Успѣемъ-ста. Семень Яковличъ простить.“

Семена начинало трогать за живое.

— Что, паря, больно ужъ конфузишь, и еще передъ бариномъ! проговорилъ онъ.

Петръ сперва засмѣялся, а потомъ закашлялся.

— „Что мнѣ тебя, голубчикъ, конфузить? — не за что! Ты, вѣдь, выбрался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.“

Семень махнулъ рукой. Мнѣ стало ужъ жаль его.

— Я, напротивъ, очень доволенъ Семеномъ; мнѣ такого смирнаго и добраго прикащика и надо — сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лице.

— „У тебя какой - то чинъ, большой или нѣтъ?“ спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ — капитанъ, значить — отвѣчалъ я.

— „Не чиновенъ же ты, братъ! Вонъ у насъ баринъ, такъ генераль; а ты, видно, и служить-то не охочь. Барыню-то въ замужство хошь богатую ли взять?“

— Нѣтъ, не богатую, а по сердцу.

— „По сердцу, ну да! — возразилъ Петръ. — Пропащее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя. А ты бы до-

служился до больших чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою пріѣхалъ въ каретѣ осмерикомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстроилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.“

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ — сказала я.

— „Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А, пожалуй, выходить, взаправду въ меня пошелъ: такой же дурашный!“ — отрѣзалъ начисто Петръ.

— Больно ужъ смѣло, Петръ Алексѣичъ, говоришь! — замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, чтобъ я не обидѣлся.

— „Что смѣло-то? Али по твоему, лиса безхвостая, ласы да балясы гладкія точить?“ — отвѣчалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича — „Вѣдь прелукавый старичишко, кто его знаетъ...“

— Полно, другъ сердечный! возразилъ Сергѣичъ — что тебѣ на меня воротить, лучше вотъ о себѣ открыть; теперь-то на седьмую версту носъ вытянулъ, а молодымъ помнимъ: высокій да пригожій, да дѣвкамъ угрожій. —

При этихъ словахъ, неизвѣстно почему, Матюшка вдругъ засмѣялся. Петръ на него посмотрѣлъ:

— „Ты чему, дуракъ, смѣешься? — и потомъ прибавилъ, какъ бы самъ съ собою — было, видно, и наше времечко; бывало, може такъ, что молодницы на базарѣ изъ-за Петрушки шлыками дирались — подопьютъ тоже...“

— Изъ-за кости съ мозгомъ, Петръ Алексѣичъ, и собаки грызутся... Хорошую ягоду издали ходять брать — сказалъ Сергѣичъ.

— Стало-быть ты смолоду, Петръ, волокита былъ? — спросилъ я его.

Онъ усмѣхнулся.

— Волокитствовалъ, сударь — отвѣчалъ за него Сергѣичъ — сторонка наша, государь мой милостивый, не противъ здѣшнихъ мѣсть: веселая, гулливая; дѣвки изъ себя пригожія, нарядныя; Петръ Алексѣичъ по-началу въ нѣгѣ жилъ, молвить такъ: на пивѣ родился, на лепешкахъ поднялся — да!

— „Въ Дьяковѣ, голова, была у меня главная притона — началъ Петръ: день-то деньской, вѣстимо, на работѣ, а ночью, братецъ ты мой, такъ по этой хрюминской пустынѣ и лужишь! Теперь, голова, днемъ идешь, такъ боишься, чтобы на звѣря не наскочить, а въ тѣ поры ни страху, ни устали.“

— Значить, сердцемъ шель, а не ногами — замѣтилъ Сергѣичъ.

— „Какое тутъ къ ляду сердцемъ! — возразилъ Петръ — такъ баловство, вонъ какъ у Сеньки тоже.“

— Что тебя Сенька-то трогаеть? Все бы тебѣ Сеньку задѣть — отозвался Семень.

— „Ты молчи лучше, клинья борода, не серди меня, а не то сейчасъ обличу“ — сказалъ ему Петръ.

— Не въ чемъ, братъ, меня обличать — проговорилъ кротко, но не совсѣмъ спокойно Семень.

— „Не въ чемъ? А нука сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь?“

Семень не вытерпѣлъ и плюнулъ.

— Тьфу! мели больше! — проговорилъ онъ.

— „Ты не плюйся, а водку-то поднеси,“ сказалъ Петръ.

— Мелево, мелево и есть — говорилъ Семень, поднося водку.

Петръ, выпивъ, опять надолго закашлялся какимъ-то глухимъ, желудочнымъ кашлемъ.

— „Вели поднощику-то своему выпить: у него давно слюнки текутъ“ — обратился онъ ко мнѣ, едва отдыхая отъ кашля, и замѣчаніемъ этимъ сконфузилъ и меня, и Семена.

— Выпей, Семень; что-жь ты самъ не пьешь? — поспѣшилъ я сказать.

— Слушаю-съ — отвѣчалъ растерявшійся Семень, налилъ себѣ черезъ край стаканъ и выпилъ. — Я теперь пойду, отнесу штофъ въ горницу — прибавилъ онъ.

— Ступай, сказалъ я.

Семень ушелъ. Онъ, кажется, нарочно поспѣшилъ уйти, чтобъ избавиться отъ колкихъ намековъ Петра; тотъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ съ насмѣшкою и обратился ко мнѣ:

— „Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ я и отстану.“

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— „Это, вѣдь, ужь мы съ Сергѣичемъ давно смекнули.“

— Смекнули? —

— „Смекнули — отвѣчалъ Петръ. — Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а, вѣдь, на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердись, что съ тобой говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный—слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сензкѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку-понукалку не на полатяхъ держалъ, а и на полосу со временемъ выносилъ! нашъ братъ мужикъ-плутъ какъ узнаеть, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезеть тебя, да тебя еще осѣдлаеть. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ.“

— За совѣтъ твой спасибо; только самъ вотъ ты отчего кашляешь? —

— „Боленъ я, братецъ ты мой.“

— Чѣмъ же? —

— „Нутромъ, порченный я“ — отвѣтилъ Петръ, и лице его приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жь это тебя испортилъ? спросилъ я. Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ? отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла! — отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— „Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ,“ отозвался Петръ.

— Знать-то, вдругъ сердечный, може и знаемъ, да только то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь — отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который чувствовалъ къ Петру если не страхъ, то, по крайней мѣрѣ, замѣтное уваженіе.

— „Что не угодить-то? Не на дорогу ходилъ!“ сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось? спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло. Мы, вѣдь, батьки-мужики-дураки, мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ и давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работающую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— „Въ моемъ дѣлѣ, голова, батька ничего — возразилъ Петръ — все отъ Федоски идетъ. Въ самую еще свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошла...“

— Что-жь такъ не угодно ей было? спросилъ Сергѣичъ.

— „Не угодно ей, братецъ ты мой, показалось, что для дѣдушки Сидора старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не подчивали“ — отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужъ и тѣни не оставалось веселости).

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья? спросилъ я.

— „Мачиха наша — отвѣчалъ Петръ, и продолжалъ: стола, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, просить: ничего не властвуетъ — выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди, батька, значить, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только въ тѣ поры было!“

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слышали мы это и видывали.

— „Командирша такая, голова, была, что синя пороха безъ нея въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то, что хозяйка моя приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры придуть иной разъ изъ лѣсу голодныя, не смѣютъ вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать; все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговорить: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?“

— Злая баба въ дому хуже черта въ лѣсу — проговорилъ Сергѣичъ и потомъ прибавилъ: ваша Федосья Ивановна, другъ сердечный, Петръ Алексѣичъ, у сердца у меня лежитъ. Сережка мой, може, изъ за нея и погибаетъ. Много народу видѣло, какъ она въ Галичѣ съ нимъ въ харчевнѣ деньгами руководствовала.

Петръ махнулъ рукой.

— „Говорить-то только неохота“ — пробунчалъ онъ про себя.

— Да, то-то, продолжалъ Сергѣичъ, было ли тамъ у нихъ что — не вѣдаю, а болтовни про нее тоже много шло. Вотъ и твое дѣло: за краснымъ столомъ въ обиду вошла, а може не съ наливки сердце ея надрывалось, а жаль было твоего холоства и свободушки — да!

Петръ еще больше нахмурился.

— „Песь ее, голова, знаетъ! А, пожалуй, на то смахивало“ — отвѣчалъ онъ и замолчалъ; потомъ, какъ бы припомнивъ, продолжалъ: — „разъ, братецъ ты мой, о Казанской это было дѣло, поѣхала она праздничать въ Суровцево, нарядилась, голова, знаешь, что купчиха твоя другая; жеребенокъ у насъ тогда былъ, выкормокъ, конь богатый; коня этого для ней заложили; батька самъ не поѣхалъ, и меня, значить, въ кучера при-судилъ.“

— А у кого въ Суровцовѣ-то гостились? — перебилъ Сергѣичъ.

— „Гости, голова, у насъ въ Суровцовѣ были хорошіе: у Лизаветы Михайловны, коли знаваль“ отвѣчалъ Петръ.

— Знаваль, другъ сердечный, знаваль: гости наипервые.

— „Гости важные. Все, голова, наша Федосья весело праздничала; бесѣды тоже на вечеру; тутъ, братецъ ты мой, дворовые ребята изъ Селеницына наѣхали; она, слышь, съ тѣми шутить, балуетъ, жругомъ лупмя ихъ лупить; другой, сердечный, только выгибается, да еще въ стыдъ ихъ вводитъ, голова: кушите, говоритъ, дѣвушкамъ пряниковъ; какіе вы парни, когда у васъ на пряники не хватаетъ!“

— Какая! пряниковъ просить! — проговорилъ Матюшка.

— Бойкая была женщина, смѣлая! — замѣтилъ Сергѣичъ.

— „Поѣхали мы съ ней, такимъ дѣломъ, на четвертый день поутру — продолжалъ Петръ, подперши голову обѣими руками и замѣтно увлеченный своими воспоминаніями — на дорогу, извѣстно, опохмѣлились маненько; только Федоска моя не пѣсни поетъ, а сидитъ пригорюнившись. Ладно! Ёдемъ мы съ ней, такимъ дѣломъ, путемъ-дорогой.... Вдругъ, голова, она схватила меня за руку и почала ее жать, крѣпко сжала. „Петрушка!“ говоритъ — „поцѣлуй меня!“ — Полно, го-

ворю, мамонька, что за цѣлованье!“ — „Ну, Петрушка — говорить она мнѣ на это — кабы я была не за твоимъ батькой, я бы замужъ за тебя пошла!“ — Я, знаешь, голова, и размѣялся. „Что, песъ, говорить, смѣешься? А то, дуракъ, може и не знаешь, что хоша бы родная мать у тебя была, такъ бы тебя не любила, какъ я тебя люблю!“ — На томъ, говорю, мамонька, покорно благодарю. „Ну, говорить, Петрушка, никому, говорить, николи не говорила, а тебѣ скажу: твой старый батька заѣдаетъ мой молодой вѣкъ!“ — Это, мамонька, говорю, старуха на двое сказала, кто у васъ чей вѣкъ заѣдаетъ! — „Да, говорить, ладно, рассказывай! Нынче, говорить, батька тебя женить собирается; ты, говорить, не женись, лучше въ солдаты ступай, а не женись!“ — Что же, говорю, мамонька, я такой за обсѣвокъ въ полѣ? — „Такъ, говорить, противъ тебя здѣсь дѣвки нѣтъ, да и я твоей хозяйки любить не стану.“ За что же, говорю, нелюбовь будетъ? — „А за то, говорить, что не люблю бабъ, у которыхъ мужья молодые и хорошіе.“

— Ты однако женился? перебилъ я Петра.

— „Нѣ; али испугаться и не жениться? возразилъ онъ.“

— По любви, или нѣтъ?

— „Почемъ я знаю, по любви, али такъ. Нашель у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была,

на той, значить, и женился!“ — отвѣчалъ съ нѣкото-
рыми неудовольствіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло, что на
улицѣ взглянулась, на посидѣлкахъ посидѣлись, а до-
мой разошлись — стали жалость другъ къ дружкѣ
имѣть.

— „Что за особливая жалость, голова, а, извѣстно,
дѣвку брала зазнаемо: высмотренную,“ — отвѣчалъ
Петръ еще съ большей досадой.

Русскій мужичекъ не любитъ признаваться въ нѣж-
ныхъ чувствахъ.

— А мачиха дѣйствительно не любила жены твоей?
спросилъ я его.

— „Нѣтъ, не любила“ — отвѣчалъ онъ мнѣ коротко
и обратился болѣе къ Сергѣичу. Тутъ тоже, голова,
какъ и судить: хоть бы бабѣ моей супротивъ дѣвокъ
первые годы житье было не въ примѣръ лучше, только,
братецъ ты мой, она все ее подводила! Вотъ тоже эдакъ,
въ отлучкѣ когда, на работѣ: „рубашекъ, говорить,
тебѣ не послала, поклону не приказывала,“ и кажинный,
голова, разъ, какъ съ работы воротишься, кажинный
разъ такъ сдѣлаешь, что я Катюшку либо побраню, либо
и зуботычину дамъ. Та, братецъ ты мой, терпѣла, тер-
пѣла да и стала говорить: „За что ты, говорить, меня
тиранишь? Это, говорить, оттого, что у тебя любовни-

ца есть.“ Какая, говорю, любовница? — „Бочариха,“ говоритъ. А я бочариху года два, почестъ, и въ глаза не видалъ. Кто это тебѣ сказывалъ? — Сначала, голова, не открывала, а тутъ говоритъ: matka сказывала, слышь!“

— Такъ, такъ, сомущали, значить — подхватилъ Сергѣичъ.

— „Еще какъ, голова, сомущали-то — продолжалъ Петръ. Вышла мнѣ такая оказія, братецъ, въ Кострому иди работать — ладно. Только передъ самымъ моимъ этимъ отходомъ, Федоска такую штуку подвела, слышь: сложила, ужъ будто-бы Катюшку съ извощикомъ Гришкой, знавалъ, може? — что будто-бы, братецъ ты мой, Катюшка бѣгала безъ меня къ маткѣ на праздникъ; весь народъ по улицѣ гулялъ, а они съ Гришкой ушли въ лѣсъ по черницу. Дѣло-то, знаешь, на отходѣ было, выпимши; я на Катюшку и взѣлся, а она стала съ глупа-то браниться: почто пью. Я и прибилъ ее и шибко прибилъ. Что же, голова, опосля узналъ? Катюшка, слышь, и на праздникъ не ходила. Стало мнѣ ее, голова, хоть бы и жалко. Какъ пришелъ въ тѣ поры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два плата, босовики и послалъ съ ходоккомъ. И, братецъ ты мой! и пошла у нихъ изъ-этого пановщина: дѣвки позавидовали, обозлились на Катюшку, matka тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой. „Вотъ, говоритъ, онъ

какой: ни мнѣ, ни дѣвкамъ твоимъ по наперстничку не присылалъ, а все въ женнинъ сундукъ валить.“ Батька, известно, осерчалъ, говоритъ Катюшкѣ: „Поди, принеси наряды, что мужъ прислалъ.“ Ну, та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ спрятала, а сама домой и нейдетъ, боится. Батька, однако, оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.“

— Какъ же батька могъ взять твои подарки у жены? спросилъ я.

Петръ посмотрѣлъ на меня, какъ бы удивляясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое, отвѣчалъ за него Сергѣичъ. Ежели теперича мужичекъ хозяйкѣ что посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату, али сережки. Это ужъ нельзя: не порядокъ, значить, будетъ супружницу обряжать да наряжать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ, али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, не много нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— „Вѣстимо что по сердцамъ, отозвался Петръ. Въ

тѣ поры, какъ воротился, Катюшка тоже все мнѣ это говорить; я такъ, братецъ ты мой, и положилъ: плюнуть, отступиться; только то вижу, голова, что бабенкѣ ни за что ни про что житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а по ихнему все спить, дѣлаеть все не такъ, да не ладно, дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Наложилъ, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотчинѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла—ладно. Батька, извѣстно, присудилъ, чтобъ я это справилъ; а чтобъ, примѣрно, не медлить дѣломъ, сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса шла бы въ лѣсъ Катюшка моя. Бабенка той порой была на сносѣ. Я батькѣ и говорю: „какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться?“ — „Что-ста, говорить, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу? — „Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣгаю; а, что теперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру со мной, а хозяйку мою побереги; я, говорю, заслужу вамъ это.“ Батька ничего, голова, пробунчалъ только маненько, за Федоска и слѣзаетъ съ голбца: „Наши дѣвки, говорить, про васъ не работницы, вы-ста, говорить, съ твоей толсторожей хозяйкой только даромъ хлѣбъ ѣдите!“ Какъ, я говорю, matka, мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ? За что, про что ты насъ этимъ попрекаешь? Я со всего двора подушную оплатилъ, за себя оброкъ предоставилъ; теперь, говорю, за батьку и задѣльничаю; а

хоша бы и хозяйка моя—за тебя же круглый годъ на задѣлье бѣгала; какъ же говорю, такъ: мы у васъ даромъ хлѣбъ ѣдимъ? Заругалась, заплевалась, голова, и все на Катьку больше: „ты, говорить, мужа сомущаешь, а онъ того не знаетъ, что ты и то и се, съ тѣмъ и другимъ.“ Ну та, братецъ ты мой, заплакала. „За что, говорить, мамонька, ты противъ хозяина такъ меня губишь?“ Я тоже, братецъ, не стерпѣлъ. „Что же, говорю, Федосья, и выругалъ ее—согрѣшилъ грѣшный—долго ли, выходить, мы должны отъ тебя обиды принимать? Вы, я говорю, у хозяйки моей, словно разбойники какіе, всѣ наряды обобрали, морите бабу на работѣ, куска ей не уболите съѣсть, да еще поносишь такими словами, а по правдѣ, може-быть, не Катька моя, а сама ты такая?“ И, ты братецъ ты мой! и батька поднялся, будто за наряды и драться, голова, лѣзетъ. Я руки-то маненько ему и попридержалъ: еще пуще старикъ обозлился, сгребъ, голова, меня за шиворотокъ и прямо къ бурмистру въ сборную стащилъ. Такъ и такъ, сынъ буянствуетъ. Тотъ мнѣ сейчасъ плюхи двѣ далъ и приказываетъ, чтобъ я батькѣ въ ноги поклонился. Я въ ноги поклониться-поклонился, да бурмистру и говорю: „Батькѣ, говорю, Иванъ Васильичъ, покорствую; а что теперича мы всѣ пропадаемъ изъ-за мачихи; хозяйка моя на работѣ измаяна, словомъ обругана. Може, вы теперь мнѣ довѣрья не сдѣлаете, такъ извольте, говорю, на-

шихъ дѣвокъ, сестеръ моихъ, спросить: пускай онѣ передъ образомъ скажутъ, что онѣ отъ нея понесли да потерпѣли...“ Ну такъ, вѣдь, тоже нашего Ивана Васильевича помнишь: немного было правды...“

— Правда его была: кто больше чаемъ поить да денегъ носить—замѣтилъ Сергѣичъ.

Петръ кивнулъ въ знакъ согласія головой и продолжалъ:

— „Закричалъ на меня: „Цыцъ! молви еще слово противъ батьки—выхлещу!“ и вонъ выгналъ.... Ладно разсудилъ... что мы, голова, опосля того, съ хозяйкой притерпѣли — и Боже ты мой! Батька не глядитъ, не смотритъ; въ большой избѣ, видишь, тѣсно отъ насъ стало: поселили въ коровью, безъ полу, безъ лавокъ, вмѣстѣ съ телятами. Коли мы теперь съ бабой что-нибудь на работѣ позамѣшкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ совьютъ, соберутъ, и отобѣдаютъ; коли шей тамъ останется, такъ Оедоска въ лоханку выльетъ, чтобъ только намъ не доставалось—до чего эхидствовала!...“ Проговоря это, Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ, продолжалъ: „кабы не это дѣло, пошто бы мнѣ съ батькой дѣлиться, на грѣхи эти идти? Старика оборвалъ и себя надорвалъ.“

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать! возразилъ Сергѣичъ, не даромъ поговорка идетъ: „врагъ захотѣлъ—братья въ раздѣлъ“. Хотѣли, значить, миллионы на-

жить, а стали по-міру ходить... Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ бариномъ; какъ еще смѣлости вашей хватило идти до него по экому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что жь, развѣ у васъ баринъ строгій? сказала я.

— Нѣтъ, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ, строгости особливою нѣтъ, а извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходилъ... Въ усадьбу тоже наѣзжаетъ временно; а мужики наши—глупой вѣдь народецъ и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами — такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все смирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, еле и ноги уpletутъ—да!

— „Горячь ужь больно, кричатъ такой здоровый...“ замѣтилъ Петръ.— „До барина бы, кажись, тѣмъ дѣломъ я прямо и не пошелъ, прахъ все возьми: гдѣ тутъ съ ними разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. „Есть ли, говоритъ, у тебя жена? спрашиваетъ меня, слышь. — Есть, говорю, барыня. — Любишь ли ты, говоритъ, ее? — За что, говорю, не любить! не чужая, а своя; только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперъ, говорю, у бабенки моей малый груд-

ной ребенокъ, грудью покормить почестъ-что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска и та еще коли не коли въ ротъ попадетъ. — Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка. Папаша, папаша! кричитъ, голова, — барина, мужа батькой обзываетъ, слышь!“

— Обзывала, обзывала, и я слыхаль — подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ! отозвался Матюшка и засмѣялся.

— „Баринъ, голова, подходитъ. „Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста.“ Баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по своему: „какъ, говоритъ, у тебя коровы нѣтъ? пропиль, каналья!“ — Никакъ нѣтъ-сь, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачихи мы пропадаемъ; въ раздѣль бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣль не пускаетъ и при дворѣ не держитъ, какъ надо“. Онъ маненько и смякъ. „Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцемъ: я васъ разберу.“ Я, голова, пришелъ домой, говорю батькѣ: „къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуютъ“. Пошто? говоритъ; слышь, испугался старикъ. Жаловался, что ли ты, разбойникъ, на меня? „Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! Въ отдѣль только просился; у тебя семья

своя, у меня своя, что намъ на грѣхѣ жить!“ Батъка и заплакалъ, слышь; ну старый ужъ человекъ былъ, извѣстно! „Богъ съ тобой, говоритъ, Петрушка, поидь, кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть.“ Мнѣ стало жаль его, голова. — Что, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя кабы не твоя Федосья Ивановна? „Полно, говоритъ, Петрушка, поживи со мной, все будетъ хорошо.“ Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужъ другое пореть. „Мнѣ-ста, тебѣ, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; поидемъ къ барину.“ Поидемъ, говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что нибудь: на меня эдакъ посмотрѣлъ — ничего, а на батъку взмахнулъ глазами: „говорите!“ говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и куриць-то припугали, я-то еще говорю словно какъ бы дѣло, а батъка и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю: „не грѣхъ ли, говорю, батъка, тебѣ это говорить?“ Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батъку: „ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнь, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Сейчасъ, говоритъ, старая лисица, плуть, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ.“ И пошелъ, голова!... Тутъ

лакей подвернулся—на того; барыня пришла: „что ты, говоритъ, душечка, сердисься и себя не бережешь!“ и на ту затопаль. Мы съ батькой ужь ничему и не рады, драго изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Федосью Ивановну ведутъ подь ручки...

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значить, Варвара на расправу: такъ ее, бестію, и надо—проговориль онъ.

— „Воротилась, голова, и прямо на печку; ничего ужь и не говорить, только проохиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!“

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— „Будеть! баста!—сказаль Петръ—пора ужинать. Барину, я вижу, любо наше каляканье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ.“

Матюшка подаль ему.

— „Спасибо. Я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать стануть, за ноги подержу, и ужь крѣпко, не бойся, не вывернешься.“

— Да за што меня хлестать стануть? спросиль Матюшка.

— „И по моему, братецъ, не за што: душа ты кроткая, голова крѣпкая—проговориль Петръ и постучаль Матюшкѣ въ голову. Вона, словно въ пустомъ овинѣ!

Ничего, Матюха, не печалься! Проживешь ты вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршь, ребята!“ — закричалъ онъ, вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый, сказалъ Сергѣичъ, кланяясь.

— „Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнь! всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился въ этомъ! — подхватилъ Петръ, нагибая старику голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— „Прощай, баринъ“ — продолжалъ Петръ, надѣвая шапку.

Веселость Петра впрочемъ вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо; я долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную и здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

IV.

Настало Успенье. Я былъ въ приходѣ у обѣдни и оттуда зашелъ къ моей знакомой, Аринѣ Семеновнѣ. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ я сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на народъ, толпящійся у кабака. Изъ толпы вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Пузичъ, увидавъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, прошелъ было сначала мимо, но потомъ тоже оста-

новился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ ожидать товарища.

— „Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть! проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужь время—сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправлялся куда шель.

— „Баринъ! Господинъ! позвольте съ вами компанію имѣть!“ — прокричалъ Пузичъ на всю улицу, такъ что Арина Семеновна обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Не хорошо, не хорошо, Пузичъ — сказала она — мужикъ вы хорошій, богатый, а беспокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— „Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть! — воскликнулъ опять Пузичъ — ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны — сейчасъ! Позови только Пузича: „Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ“ — значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! Денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, его привосходительство, значитъ, отдашь теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: „Подай, мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!“ Изволь, бери.... Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть?...“

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка что-то

съ неестественнымъ ему печальнымъ лицомъ и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та, пробормоталъ онъ.

Лице Пузича въ минуту измѣнилось: изъ глупо-подлаго оно сдѣлалось строгимъ.

— „Какіе твои два рубли?“ сказалъ онъ, обернувшись къ Матюхѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ — проговорилъ тотъ.

— „Какія твои деньги у меня? За какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять“ — проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? — проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— „Молчать! Поговори еще у меня!“ — продолжалъ Пузичъ — Когда, значить, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть?“

— Пузичъ, идемте! — проговорилъ Козыревъ, которому ужъ, видно, наскучило ждать.

— „Идемъ, идемъ! Флегонтъ Матвѣичъ — отвѣчалъ Пузичъ — „дураковъ, значить, надо учить, ваше превосходительство, коли они неумны!“ — отнесся онъ ко

мнѣ и очень довольный, что ему удалось покуражиться надъ Матюшкой передъ всемъ народомъ, пошелъ съ Бозыревымъ опять въ кабакъ. Бѣдный Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? Тебя не рассчитываетъ подрядчикъ? — спросилъ я его.

— „То-то-тка, все вотъ жить, да дерется еще“ — отвѣчалъ онъ уходя.

Прошло съ четверть часа послѣ этого. Я продолжалъ сидѣть и смотрѣть въ окошко. „Однако отецъ Николай что-то долго неидетъ — думалъ я — неужели онъ все еще молебны служить?“ Около церкви никого ужь не видать, а между тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку, народъ дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ, я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ! — сказалъ я, вставая.

Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что такое случилось? Откуда вы? — спросилъ я.

— „Что, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужь поздно — злодѣи этакіе!“

— Кто такіе? Кто кого убилъ? спросилъ я.

— „Плотники... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за слово, да и драка...“

одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на смерть “отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича-ли это? сказалъ я.

— „Его, его, Пузича, если знаете. Плutowатый былъ мужиченко.“

— Кто-жь его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— „Да я ужь и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.“

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому?

— „Врядъ ли! —“ Отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ, какъ могъ, проворно къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ продраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой по серединѣ лежалъ вверхъ лицомъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленникъ, лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддѣвки его правый рукавъ былъ оторванъ; рубаха вся изорвана въ клочки; правая рука изсѣчена цирюльникомъ, но кровь ужь не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру,

тоже съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязаль ноги.

— Что ты надѣлалъ? — сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, и потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— „Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда сказана! — проговорилъ онъ и прибавилъ сотскому: жчто больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.“

Въ толпѣ, между тѣмъ, нѣсколько бабъ ревѣло или, лучше сказать, голосило:

— Батюшка, кормилецъ мой! завывала одна.

— „Что ты надсажаешься? Али родня?“ — говорить ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсаждаться! все человѣческая душа, словно пробка выскочила! — отвѣчала женщина.

— „Пускай пореветь; у бабъ слезы некупленные!“ — замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О-о-о-ой! — стонала еще другая баба — куда теперь его головушка поспѣла?

— „Удивительная вещь, удивительная вещь!“ — толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицомъ, должно быть, изъ торговцевъ.

— Какъ у нихъ это случилось? — спросилъ я его.

— „Пьяные, сударь!“ — отвѣчалъ онъ — Пузичъ съ утра съ Оомкой пьетъ; пьяные-съ! По началу они принялись вдвоемъ въ кабакъ этого толсторожаго парня

бить; не знаю, про што его и связали; онъ ничѣмъ не причиненъ!... Цѣловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ челоѣка не на животъ, а на смерть, карауль закричалъ. Мы въ кабаѣ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. „Зашто, говоритъ, парня бьете?“ и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ да и на него. Пузичъ за волосы его сребъ, а Ѳомка подъ ногу его подшибаетъ, и Петруха — на моихъ глазахъ это было — раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами да и замеръ. Мы было съ сотскимъ начали разнимать ихъ — гдѣ тутъ! за ноги хотѣли было ихъ разстащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ меня сапогомъ по головѣ; такъ шабашъ — нали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужъ кричать: „воды! водой разливайте!“ Я было побѣжалъ зачерпнуть — прихожу: все ужъ порѣшено. Петруха, говорятъ, оборанивался, оборанивался и какъ ухватить его за поперегъ, на аршинъ приподнялъ, да и хрясь о землю — только проохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на своего живодернаго коня и лупмя почаль его лунить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему: „возьми, говорятъ, коль; ишь плетью-то не пробираетъ, бока больно толсты.“ Такой дураѣ: угналъ — словно не найдутъ....“

А. Писемскій.

III. БАСНИ.

1. Богачъ и бѣднякъ.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
 Хотя достоинства онъ всякія имѣлъ,
 А бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
 Никто и не примѣтилъ,
 Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
 Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
 Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
 Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ:
 Короткое иль да, иль нѣтъ.
 Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
 Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горечью отходитъ.

Потомъ
За бѣднякомъ

Богачъ пріѣхаль въ тотъ же домъ.

Хоть добродѣтелями онъ не отличался,

Но только въ двери показался:

Сказать нельзя какой приѣмъ!

Всѣ встали передъ богачемъ;

Всякъ богача съ почтениемъ встрѣчаетъ,

Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;

И подъ руки его берутъ;

То тутъ,

То тамъ его сажаютъ;

Поклоны чуть ему земные не кладутъ

И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лестъ,

Къ богатому неправу честь,

Къ себѣ неправое презрѣнье,

Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.

„Зачѣмъ — онъ говоритъ ему —

„Достоинствамъ, уму

„Богатство свѣтъ предпочитаетъ?“

— Легко, мой другъ, понять:

Достоинства нельзя занять,

А деньги всякой занимаетъ.

2. Гусей.

Предлинной хворостоной

Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;

И правду истину сказать,

Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной;

На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню

(А гдѣ до прибыли коснется,

Не только тамъ гусямъ — и людямъ достается).

Я мужика и не виню;

Но гуси иначе объ этомъ толковали

И, встрѣтаясь съ прохожимъ на пути,

Вотъ такъ на мужика пеняли:

„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?

Мужикъ такъ нами помыкаетъ,

И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;

А этого не смыслить неучъ сей,

Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;

Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,

Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:

Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“

— А вы хотите быть за что отличены?

Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки...“ Знаю

И все читалъ, но вѣдать я жалаю:

Вы сколько пользы принесли?

— „Да наши предки Римъ спасли!“

— Все такъ, да вы что сдѣлали такое?

— „Мы? ничего!“ — Такъ что-жь и добраго въ васъ есть?

Оставьте предковъ вы въ покоѣ!

Имъ по дѣломъ была и честь;

А вы, друзья, лишь годны на жаркое!

Крыловъ.

3. Мирская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,

Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,

Они всегда найдутъ уловку,

Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.

Стараньемъ кумушки лисицы

Словцо о немъ замолвлено у лвицы.

Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,

И не сказали бы, что смотреть левъ на лица;

То велѣно звѣриный весь народъ

Собрать на Общій Сходъ,

И распросить того-другаго,

Что въ волкъ добраго онъ знаетъ, или худаго.

Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны,

На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны.

Но противъ волка нѣтъ ни слова,

И волка велѣно въ овчарню посадить. —

Да что же овцы говорили? —

На сходкѣ вѣдь онѣ ужь вѣрно были? —

Вотъ! то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!

А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Крыловъ.

4. Двѣ собаки.

Дворовый, вѣрный песъ

Барбось,

Который барскую усердно службу несъ,

Увидѣль старую свою знакомку

Жужу, кудрявую болонку,

На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.

„Ну, что, Жужутка, какъ живешь

„Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?

„Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.

„Какъ службу ты несешь?“

— На счастье грѣхъ роптать — Жужутка отвѣчаетъ —

Мой господинъ во мнѣ души не чааетъ;

Живу въ довольствѣ и добрѣ,

И ѣмъ и пью на серебрѣ;

Рѣзвлюся съ бариномъ; а ежели устану,

Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.

Ты какъ живешь? — „Я — отвѣчалъ Барбось —

„Живу по прежнему: терплю и холодъ

По платью, иль по бородѣ)!

Лишь нужно знать, чтохъ съобщаго сужденья

Все длиннохвостыхъ брать назначено въ Совѣтъ,

У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,

Хотя бѣ лишился онѣ его среди сраженья —

Такихъ въ Совѣтъ не приниматѣ.

Все дѣло слажено; назначено собранье,

Какъ иночь настанетъ на дворѣ,

И, наконецъ, въ мучномъ марѣ

Открыто засѣданье.

Но лишь позаняли мѣста —

Анѣ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста:

Примѣтя то, сѣдую мышъ толкаетъ

Мышенокъ молодой,

И говоритъ: „какой судьбой

Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?

Скажи, чтобы ея скорѣе выслать вонъ;

И можно ль, чтобы она полезна намъ была,

Когда и своего хвоста не сберегла!“

А мышъ въ отвѣтъ: „молчи!... Все знаю я сама,

Да эта крыса мнѣ кума“.

Крыловъ.

6. Волкъ и агнеенокъ.

У сильного всегда безсильный виноватъ:

Тому въ исторіи мы тѣму примѣровъ слышимъ;

Но мы истории не пишемъ;

А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркѣй день зашелъ къ ручью напиться.

И надобно жь бѣдѣ случиться,

Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.

Ягненка видитъ онъ, стремится на добычу;

И чтобы дѣлу дать законный видъ и толкъ,

Кричитъ: „какъ смѣешь ты, наглець, нечистымъ ры-

ломъ

Здѣсь чистое мутить питье

Мое

Съ пескомъ и иломъ?

За дерзость такую,

Я голову съ тебя сорву“.

— Когда свѣтлѣйшій волкъ позволить,

Осмѣлюсь я донести, что ниже по ручью

Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью,

И гнѣваться напрасно онъ изволить:

Питья мутить ему никакъ я не могу.

— „Поэтому я лгу?!

Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!

Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ

Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:

Я этого, пріятель, не забудь!“

— Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году —

Ягненокъ говорить. — „Такъ это былъ твой братъ“!
— Нѣтъ братьевъ у меня. — „Такъ это былъ иль свать,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой раздѣлаюсь за ихъ грѣхи“! —
— Ахъ, чѣмъ я виновать? — „Молчи, усталъ я слушать!
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виновать ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“.
Сказаль — и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

Крыловъ.

НАРОДНЫЙ МѢСЯЦОСЛОВЪ.

Январь. Году начало, зимъ середка.

1. Васильевъ день, авсень (таусень). Новый годъ. На Васильевъ вечеръ дня пребываетъ на часъ.

5. Крещенскій вечеръ. Сочельникъ. Ставятъ мѣломъ кресты.

24. Аксиньи полухлѣбницы. (Преп. Ксеніи *). Переломъ зимы. Озимовое зерно пролежало въ землѣ половину срока до восхода. Половина стараго хлѣба съѣдена; половина срока до новаго хлѣба.

Февраль. Февраль три часа дня прибавить. Февраль воду подпустить, Мартъ подобрать.

2. На Срѣтенъе зима съ лѣтомъ встрѣтилась.

29. Преп. Касьяна въ високосный годъ.

Мартъ. Въ Мартъ курица изъ лужицы напьется.

*) Надобно помнить, что народныя именованія святыхъ относятся не къ лицу святаго, а ко времени празднованія его памяти. Въ скобкахъ отмѣчены имена по календарю.

1. (Преподобно-мучен. Евдокіи). Первая встрѣча весны. Съ Евдокіи заливвають веснянки, и поютъ до Троицына дня. Коли на Евдокію холодно, скотъ кормить лишнихъ три недѣли. У Евдокіи вода, у Егорья трава. Коли курочка въ Евдокіи напьется, то и овечка на Егорья (23 апрѣля) наѣстся.

9. На 40 мучениковъ день съ ночью равняется. Вторая встрѣча весны. Зима кончается, весна начинается.

17. Преп. Алексія Божьяго человеѣка. Покинь сани на повѣтъ; сряжай телѣгу. Каковы на Алексія ручьи (больше или малые), таковы и разливы.

19. Со дня св. муч. Дарьи холсты бѣлятъ.

25. На Благовѣщенье весна зиму поборола; третья встрѣча весны. На Благовѣщенье дождь, родится рожь. Мокрое Благовѣщенье — грибное лѣто.

27. (Св. Матроны). Матрены настовицы (насть — окрѣпый снѣгъ). Прилетъ пугалиць. Отбирають половину рѣпы для сѣмянъ. Щука хвостомъ ледъ разбиваетъ. Овсянка прилегла и поеть.

Апрѣль. Съ Апрѣля земля прѣтеть. Коли Апрѣль съ водою, такъ Май съ травою.

1. (Преп. Маріи Египетской). Снѣгъ подъ кустомъ растаялъ. Если разливъ на Марію Египетскую, то травы многа будетъ. Около первыхъ дней Апрѣля запасъ капусты выходитъ. Захотѣлъ ты въ Апрѣлѣ кислыхъ щей (т. е. съ капустой)!

5. (Св. Мученика Θεодула). Сверчки просыпаются.

8. На день Ап. Родіона (Иродіона) ледъ ломается.

11. (Св. м. Антипы). На день Св. Антипы воды разливаются.

14. (Св. Мартина папы римскаго). Воронъ купаетъ дѣтей и отпускаетъ ихъ въ раздѣль.

17. Преп. Зосимы: разставляй улья въ пчельникъ.

23. День Егорія (Георгія) храбраго, Егорія вешняго. На Егорьевской недѣлѣ прилетъ ласточкамъ. Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ (травой). Выгоняють въ первый разъ

скоть въ поле! Ранній посѣвъ ярового съ Юрія (Георгія), средній—съ Николы (9 Мая), поздній—съ Іоанна Крестителя (24) до Тихона (16 Іюня). Ранній горохъ сѣи до Георгія, поздній послѣ Георгія (Нижній).

25. На день св. Марка прилетѣтъ пѣвчихъ птицъ стаями. Выходятъ ловить чижей (Тула).

28. На день св. муч. Максима больныхъ начинаютъ лечить березовымъ сокомъ.

Май. Копи въ Май дождь, будетъ и рожь.
6. (Св. Іова многострадальнаго). Со дня Іова рѣсы распускаются. Сѣютъ горохъ. («Сѣю, сѣю, бѣль горохъ: уродился мой горохъ и крупень и бѣль и самъ тридесять»).

8. День Іоанна Богослова: посѣвъ пшеницы (южныя губерніи).

9. Овесъ и пшеницу сѣи: ранніе съ Николина дня, поздніе съ Пахомьева (Нижній). Съ Николы вѣшняго сади картофель. Города городьбу послѣ Николина дня.

15. На день Преп. Пахомія поздній посѣвъ овса и пшеницы.

20. (Св. Мученика Фалалея). Сади огурцы.

25. На день Іоанна Крестителя: поздніе яровые посѣвы пшеницы.

29. (Муч. Θεодосіи). Θεодосіи (колосяницы): хлѣбъ колосится. Сѣвъ гречи. (Владимірь).

30. На день Преп. Исакія сажаютъ бобы, приговаривая: «уродитесь, бобы, и крупны и велики, на всѣ доли, на старыхъ и на малыхъ!»

31. (Ап. Ермія). Покинь сѣтево (сѣвалку).

Іюнь. Начало лѣта.

1. Красное утро на Устина—красній наливъ ржи. Рожь красною открасуется.

3. На Ап. Луку южный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ; сѣверо-западный—къ сырому лѣту; восточный—къ наноснымъ болѣзнямъ (Тверь, Владимірь, Ярославль).

4. Со дня св. Митрофанія сѣи ленъ и гречу.

8. Росы съ В. Муч. Теодора къ урожаю льна и конопли.
12. Со дня Преп. Петра Афонскаго (Солнворота); солнце на зиму, а лѣто обращается на жары. Запоздалый капустникъ; послѣдній посѣвъ огурцамъ и посадка разсады.

23. Муч. Агрипины (Аграфены). Начало купанья.

24. Рождество Иоанна Крестителя. Первый покосъ (Югъ).

26. На Тихвинскую ягоды посѣваютъ.

29. Съ Петрова дня красное лѣто, зеленый покосъ. Если просо въ Петровъ день съ ложку, будетъ его на ложку. Петровъ день—проводы весны. До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса (16 Августа) засеять.

Юль. Страдникъ.

Въ Юль на дворѣ пусто, да на полѣ густо. Юль хоть раздѣнься, а Декабрь потеплѣй одѣнься.

1. Въ огородахъ гряды полють.

4. На день Св. Андрея озими въ наливахъ дошли, а батюшка овесъ до половины доросъ. Овесъ въ кафтанѣ, а гретѣ и рубахи нѣтъ.

12. Св. Прокла—великія росы.

20. (Св. Пророка Іліи). Ильинъ день зажинаетъ. Первый сноплъ. Къ Ильину дню заборанивай парь. Съ Ильина дня собираютъ горохъ. На Ильинъ день перегоняютъ пчелъ, подчищаютъ улья, подрѣзываютъ первые соты. Съ Ильина дня работнику двѣ угоды: ночь длинна, да вода холодна.

25. На день Преп. Макарія начало Нижегородской ярмарки.

27. (Бл. Николая). Вилки въ кочни завиваются.

Августъ. Августъ каторга да послѣ будетъ мятовка.

1. Первый Спасъ *) посѣваетъ малина. Паши подь озимь, сѣй озимь. Пчела перестаетъ носить медовую взятку. Подрѣзывай соты.

*) Т. е. въ м. Августъ первый праздникъ во славу и честь Христа Спасителя.

4. Семь отроковъ—Съногной.
6. (Преображеніе Господне). Второй Спасъ *). Пришелъ Спасъ—всему часъ: плоды зрѣютъ. На второй Спасъ и нищій яблочко съѣсть. Со втораго Спаса засѣвай озими. Яровое посѣваетъ ко второму Спасу, а убирается къ Симеону Столпнику. Подрѣзываютъ соты; снимаютъ плоды.
16. Третій Спасъ **). Ласточки отлетаютъ въ три раза, въ три Спаса.
18. На Флора и Лавра кропятъ лошадей. Начало осеннимъ утренникамъ.
22. На день св. муч. Агаѳоника раскидываютъ снопы по гумнамъ.
26. На день с. муч. Наталіи косятъ овесъ.
28. Преп. Моисея Мурина. Хлѣбъ складываютъ въ скирды.
- Сентябрь.** Въ Сентябрь одна ягода да и та горькая рябина. Холоденъ Сентябрь, а сытъ.
1. На день Преп. Симеона Столпника солятъ огурцы. Симеона Лѣтопроводца. Послѣдній посѣвъ ржи. На Сименовъ день сѣмена выплываютъ изъ колосевъ.
8. (Рождество Пресв. Богородицы). Вторая встрѣча осени. Убираютъ пчель (Пенза, Саратовъ); собираютъ лукъ (Ярославъ, Вологда).
14. Воздвиженъе.
15. (Св. Великомуч. Никиты). Гуси летятъ въ отлетъ.
18. Если журавли полетятъ, то на Покровъ будетъ морозъ; а нѣтъ, то зима позже.
24. (Муч. Ѳеклы). Ѳеклы (заревницы). Замолотки.
25. На день Сергія Преподобнаго капусту рубятъ. Если первый снѣгъ на Сергія Преподобнаго, то зима установится на Михайловъ день.

*) Второй праздникъ въ честь Христа Спасителя.

**) Третій праздникъ въ честь Христа Спасителя.

27. Преп. Савватія. Убирають улья.

30. На день св. Григорія жгутъ старую солому изъ постелей и набиваютъ новою.

Октябрь. Грязникъ.

Октябрь ни колесá, ни полоза ни любитъ.

1. Покровъ — первое зазимье. Покровъ землю покроетъ гдѣ листомъ, а и гдѣ снѣжкомъ. Захвати тепла до Покрова (вычини избу).

22. На Казанскую дождь лунки нальетъ—зиму приведетъ. Ранняя зима о Казанской на саянхъ.

28. Парасковіи. Мнутъ ленъ.

Ноябрь.

1. Св. Муч. Козьмы и Дамьяна. Первые морозы.

8. Съ Архистратита скотъ выгоняютъ на зимній кормъ.

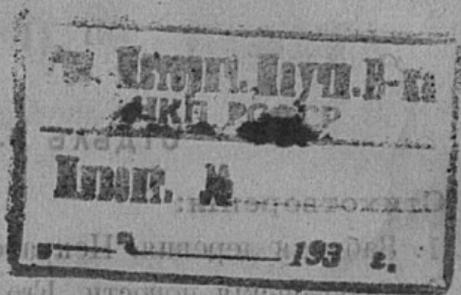
21. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы.

Декабрь. Студень.

6. На св. Николу зима съ гвоздемъ ходитъ, т. е. бываетъ морозъ.

12. Св. Спиридона (солнворота). Если дѣна на хлѣбъ упадетъ, то хлѣбъ будетъ дешевле. Закармливаютъ куръ гречихой, чтобы раньше неслись.

25. Святки: славятъ Христа, ходятъ съ вертепами.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
СТАБЪЛЪ I.	
I. Сказки:	
1. Сосватанныя дѣти	1
2. Семилѣтка	4
3. Овца, лиса и волкъ	7
4. Орелъ и птицы	8
5. Каково птицамъ жить на морѣ	11
II. Пословицы	13
III. Загадки	16
IV. Пѣсни	25
V. Русскіе города	31
VI. Былины:	
1. Вольга Святославовичъ	34
2. Илья Муромецъ	39
3. Соловей Будимировичъ	46
4. Щелканъ Дуденъевичъ	55
5. Татарскій полонь	59
6. Свадьба Грознаго	63
7. Французъ съ арміей валить	68

ОТДѢЛЪ II.

Стран.

I. Стихотворенія:

- 1. Забытая деревня. Некрасова 73
- 2. Деревенскія новости. Его же 75

II. Разказы:

- 1. Ночь подь свѣтлый день. Успенскаго . . . 78
- 2. Митюха 89
- 3. Плотничья артель. Писемскаго 108

III. Васни:

- 1. Богачь и бѣднякъ 156
- 2. Гуси. Крылова. 158
- 3. Мирская сходка. Его же 159
- 4. Двѣ собаки. Его же 160
- 5. Совѣтъ мышей. Его же. 161
- 6. Волкъ и ягненокъ. Его же. 162

Народный мѣсяцесловъ 165

1	2	3	4	5	II	III	IV	V	VI
7	8	11	13	16	20	31			

Библиотека

34	44	46	52	58	63	68
<i>Ивана Сорокина</i>	<i>Забѣлина</i>					

ИЗДАНІЯ О. И. БАКСТА.

(Декабрь 1863).

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

Г. Гервинуса, Исторія девятнадцатаго вѣка. Т. I. Ц. 2 р. с. перес. за 2 фунта. Т. II. Ц. 2 р. 75 к. с.; перес. за 2 фунта.

Гарнье-Паже, Исторія революціи 1848. Т. I, «Итальянская революція», т. II, «Французская революція до 24 февраля». Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. с.; пересылка на оба тома за 3 фунта.

I. Шерра, Всеобщая исторія литературы. Цѣна 3 р. с.; перес. за 2 фунта.

Ф. Эстерлена, Популярныя гигиеническія письма. Цѣна за все сочиненіе (три выпуска, вышель одинъ) 2 р. с.

В. Одлинга, Руководство къ химіи, описательной и теоретической. Томъ I. Цѣна 1 р. 50 к. с.; перес. за 2 фунта.

М. I. Шлейдена, Древность человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ. Ц. 40 коп. сер. перес. за 1 фунтъ.

Печатаются:

Г. Гервинуса, Исторія девятнадцатаго вѣка. Т. III.

Г. Гервинуса, Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка.

Гарнье-Паже, Исторія революціи 1848. Т. III.

К. Неймана, Исторія Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ.

Эм. Гехта, Очеркъ исторіи еврейскаго народа.

К. Риттера, Исторія землевѣдѣнія и открытій по этому предмету (съ портретомъ автора).

Л. Германна, Руководство къ физиологіи.

Т. Гекслея, О происхожденіи видовъ, въ связи съ настоящимъ состояніемъ нашихъ познаній о причинахъ явленій въ органической природѣ.

Я. Молешотта, Жизнь (Kreislauf des Lebens).

В. Бауера, Всеобщая исторія философіи.

Въ главныхъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и Москвѣ продаются:

Худякова, Великорусскія сказки. Три выпуска. Каждый по 75 коп. сер.

Худякова, Великорусскія загадки. Ц. 60 коп. сер.

Худякова, Матеріалы для изученія народной словесности. С.-Пб. 1863. Ц. 50 коп. сер.

